

ВЛАДЫКИ ОГЕНОНА. МИФОЛОГИЯ АТЛАНТИДЫ.

ПРЕДВАРЕНИЕ

Есть предания, которые проходят через века и овладевают умами всего человечества. Таким чарующим сказанием является рассказ Платона об Атлантиде. Нет такого места на земном шаре, где бы упорные исследователи не помещали легендарный остров Северная и Южная Атлантика, Индийский, Тихий, Северо-Ледовитый океаны, многочисленные всех материках и континентах и даже в космосе. Провидцы высматривают Атлантиду в прошлом и в предполагаемом будущем. И только в настоящем времени все растет и растет поток различного рода изданий и публикаций, который, по словам Зайдлера, уже превратился во «всемирный потоп атлантологической литературы» (1, с. 9). По мнению Кукала на сегодняшний день (1985 г.) «об Атлантиде написано 3600 работ, из них около 100 наименований — книги, остальные представляют собой статьи в научных и научно-популярных журналах. В это число не включены газетные статьи и художественная литература» (2, с. 16).

Со времени написания диалогов прошло почти 2500 лет. Была ли на самом деле цивилизация атлантов, так ли трагична их судьба и по чему до сих пор не найдено ни одного вещественного доказательства их существования? Прежде чем приступить к нашим разысканиям, сделаем небольшое отступление, ибо оно очень важно для понимания рассматриваемой проблемы. Следует обратить внимание, что автор уже описал об Атлантиде. В газете «Клады и Сокровища» были опубликованы статьи «Куда уходил Ясон?» (1997, № 11-12), «Небесный Камень» (1998, № 1-2), «Где спрятаны мифические сокровища» (1998, № 7-8, 1999 № 1-2).

Вторая статья с существенным дополнением появилась под названием «Небесный Камень Грааль» в журнале «Наука и Религия» (1999, №2). Хотя в этих работах нет упоминания о затонувшем острове Посейдонис, они должны были бы впоследствии составить целый цикл о стране атлантов. В статьях сознательно допускалось отсутствие самого названия «Атлантида», чтобы не нарушить общую композицию и замысел автора. По ряду причин остальные материалы в свет не вышли. Сама идея, замысел, сюжетные линии, черновые наброски об Атлантиде относятся почти к двадцатилетней давности. За это время накапливался необходимый материал, тщательно подбирались и комплектовались библиотека Гермесиана», одновременно со статьями параллельно шла работа над историко-эзотерическим романом «Гермесовы Книги». Фрагменты романа выходили в газете «Мастер» (1997, № 50, 52, 55), где нашло художественное воплощение вышеуказанной идеи. Так рождалась статья «Владыки Огенона. Мифология Атлантиды». Две вещи взаимно дополняли друг друга, вскоре они стали как бы братьями Диоскурами, совместно очерчивая новое, неисследованное, оригинальное. За последние десять-пятнадцать лет вышло несколько изданий, позволяющих далеко расширить рамки не только отечественной, но и зарубежной атлантологии, включая проблему ченнелинга (3).

И последнее. Особую благодарность автор выражает В. Щербакову, который просмотрел рукопись статьи и сделал ряд ценных замечаний. Автор благодарит также писателей Н. Непомнящего, Г. Максимовича за помощь и поддержку в работе над темой Атлантидой.

1. АТЛАНТИДА И МИФОЛОГИЯ

Проблема Атлантиды, по Жирову, имеет три основных аспекта: геолого-географический, историко-этнический, историческая атлантология. В своей книге «Атлантида. Основные проблемы атлантологии» (1964) Жиров разбирает в основном первый, остальные же были включены им в соподчинении главной идеи. Мы будем рассматривать второй аспект, выделяя в нем два направления: мифологическое и оккультно-эзотерическое.

Оба течения оставили глубокий след в истории человечества. Со времени опубликования на Западе работ, ставших для всех атлантологов и оккультистов важнейшими книгами (1800-годы) прошло ровно 200 лет. Все население планеты подошло к 3-му тысячелетию с огромными достижениями в области различных наук, в том числе, наук о Земле и Космосе. Такие «лже-науки» как астрология, алхимия, магия и т.п. не были признаны раньше, их адепты и последователи всячески уничтожались, а учение жестоко преследовалось. В последнее время астрология пробила стену непонимания, недоверия. Идея зависимости всего земного от *космического* получила солидное научное обоснование. Очищенная от мистических наслоений, астрология стимулировала глубокие исследования, которые позволили установить многообразные циклы земных явлений, связанные с периодическими ритмами Космоса. Сейчас астрология занимает прочное место среди фундаментальных академических наук, породив, тем самым, новые, не виданные ранее направления: палеоастрономию (астроархеологию), астрофизику. Собран большой материал по биоастрономии и биофизике, на который ссылается астрология. Тот же страдальческий путь прошла и алхимия. Большинство химических веществ, соединений, солей и кислот открыто алхимиками, их приемами и операциями сейчас пользуются в современных лабораториях. Алхимическое мышление, взывая философский камень, и не могло представить себе успехи радиохимии, трансмутирующей элементы, полимерной химии и химии белка, производства искусственных алмазов поставленного на поток. А могло быть и наоборот. Некоторые из алхимиков эпохи Возрождения относили начало магии и алхимии к временам мифической Атлантиды (4, с. 13-14), а современные исследователи говорят о применении атлантисскими жрецами моно (квазикристаллов) в качестве источников энергии и средств лечения (5, с. 103-105).

За последнее столетие были сделаны сенсационные открытия в области физики Космоса, генной инженерии, клонирования, телепортации (мгновенной передачи свойств от одного кванта электромагнитного излучения (фотона) другому), найдены подходы к решению таких «вечных» проблем, как бессмертие, машина времени, гравитация, вечный двигатель, внеземные цивилизации. Большинство из этих вопросов входят в пресловутый перечень 78 тем, к которым, по мнению международной конференции 1955 года, следует относиться с величайшей осторожностью. Не обойдены там, конечно, погибшие континенты как Атлантида и Му. Многие из вышеперечисленных открытий человеческого гения были предугаданы, предсказаны в свое время теми же Платоном, Лукианом, Роджером Бэконом, Альбертом Великим, Сирано де Бержераком, Нострадамусом, Свифтом, Жюлем Верном, Гербертом Уэллсом и другими выдающимися умами. Многие достижения древности поражают и восхищают нас даже сейчас. Не эта ли память прошлого навсегда запечатлела катастрофу Атлантиды в глубочайших пластах «коллективного бессознательного» человечества?

Что же представляло из себя оккультно-эзотерическое учение? Это, во-первых, осознание того, что сущность обозреваемого вокруг мира намного сложнее, чем представлялось; во-вторых, глубокое, всестороннее знание причин и следствий земных и космических явлений, предвидение кардинально новых, не укладывающихся в известные всем рамки, событий и фактов; в-третьих, попытка как-то спрятать, скрыть сохранить всю

накопленную веками мудрость погибших цивилизаций облекая ее в мифо-аллегорические и символические одежды; в-четвертых, передать затем тайное знание только самым преданным, чистым, совершенным слугам, а также провести все это через тысячелетия, как некую генеральную идею, сакральную доктрину не умирающего священного искусства. Именно о нем говорила наша соотечественница Е. Блаватская, непонятая и оболганная. Какими бы мы словами не именовали указанное течение, какой бы смысл мы не вкладывали в навязчивое, отпугивающее для многих название – оно всегда будет содержать в себе квинтэссенцию всего того, что мы уже сказали. Эту самую квинтэссенцию возвращало в своем лоне человечество сотни тысяч лет, оно сохраняло хрупкий росток из века в век, пока он не превратился в могучее мировое Древо Познания, на котором мы, далекие потомки давно ушедших людей, будто муравьи бегаем от листка к листку, от ветки к ветке, и никак не можем сообразить, где же проходит ось мира и где корни всех вещей. Не видеть этого, не осознавать то, что в нашей крови есть мельчайшая капля той божественной квинтэссенции, значит, надо было родиться слепым и ощущать до самой смерти всю свою беспомощность, презрение и равнодушие к тому прекрасному миру, который раскрывается перед нами каждый день и каждую ночь как увлекательная, непознанная книга Природы (6).

Оккультно-эзотерическое учение лучше, всего хранилось в древнейших мифах. По мнению Юлиана Отступника, в древности люди искали причинную связь между различными явлениями; хотели проникнуть с помощью богов в сущность вещей. Найдя эти причины, они облекали их «непонятные по смыслу мифы, дабы через парадокс и неясность раскрыть внутренний смысл и побудить нас поискам истины». Неоплатоники считали мифографию составной частью не только философии, но и близкой к теологии, ко всему чудесному и таинственному, в частности к мистериям: «природа любит быть скрытой, она не раскрывает сущности богов посредством откровенных высказываний, брошенных в нечистые уши. Т.е. таинственная и непознаваемая природа создана для того, чтобы понимать ее при помощи символов». (7, с. 420-421).

Тахо-Годи, изучая тексты Платона со словом «миф» отмечает их многообразие и пестроту. «Миф» у философа означает «слово» с самыми различными смысловыми оттенками: «речь» или «мнение», мир богов и героев, полупоэтическое предание о прошлом племен и народов, повествование египетских жрецов Солону. «Развлекательность и поучительность мифа сказываются в присущем ему вымыслу и вымысел этот отнюдь не нейтрален. Наоборот, он может принести и пользу, и вред в зависимости от его направленности. (8, с. 59). Платон искусно вплетает в миф вымысел, ибо именно вымысел связывает поэта и мифолога одной цепью. При этом Тахо-Годи замечает: «Однако при всей фантастичности мифа приходится учитывать в нем пользу вымысла и даже очевидной лжи, ее «уподобление истине», раз уж мы не знаем, как это все было на самом деле в древности» («Госуд.», II, 382 д). Платон ничуть не смущается этой «словесной лжи» мифа и резко отличает ее от «подлинной лжи». Ведь первая есть как бы «воспроизведение душевного состояния, последующее его отображение», а вторая – «укоренившееся в душе невежество, свойственное человеку, введенному в заблуждение». Поэтому действительная, «в чистом виде» ложь ненавистна и богам, и людям, а «словесная ложь» бывает даже полезной. В Греции представление о правде и лжи было относительным. Еще Геродот говорил: «Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать». Ему вторят Софокл, Аристотель и другие. Но, не смотря на явный вымысел и на словесную ложь, миф может содержать в себе нечто истинное или правдоподобное. Облик мифа, не лишённого лжи, ничуть не мешает его внутренней правде и его идее правдоподобия («Тим.», 59 с). Например, рассказывая Солону о гибели Фаетона, египетские жрецы утверждали: «положим, у этого сказания облик мифа, но в нем содержится и правда». Зарубежный исследователь Г. Перлс прав, когда относит миф к области невероятного и вместе с тем правдоподобного, причем правдивость мифа зависит

от правдивости его цели, поэтому в лживых мифах, рассказываемых детям, всегда содержится правда. Та же оценка звучит в работах В.Тайлера и В.Отто (8, с. 60-61).

По мысли неоплатоника Порфирия стихия мифологической фантастики «некоторым образом следует природе, коль скоро и сама природа, по словам Гераклита, «любит скрываться», играть с человеком в прятки, делая невидимым видимое» (9, с. 87). Очень остро прочувствовал это один из лучших русских атлантологов Д. Мережковский в знаменитой книге «Атлантида—Европа. Тайна Запада» (1930). Он пишет: «Что такое миф? Небылица, ложь, сказка для взрослых? Нет, одежда мистерии. Голыми ходят у Платона только низшие истины, высшие – облакаются в миф, так чтобы истина сквозила сквозь «басню», как тело – сквозь ткань. Тут парадокс, непонятный всем Аристотелям: в грешное облакается святое, истина – в ложь. Нет ли и за ложью «Атлантиды» истины?» (10, с. 31).

Миф по Платону, может быть, и «неким священным словом, точно возвешенным оракулом, а значит, он имеет силу доказательства. Для Гесиода миф как слово направлен на нечто важное значительное. Парменид, Эмпедокл понимают миф как ученое «слово» речь, путь исследования, поучительное слово, науку, историческое предание. Причем по Эмпедоклу в мифе заключается истина, которую трудно усвоить, но которая вместе с тем обладает силой божественной речи. В мифах Платон видит нечто «магическое, «колдовское». Недаром миф может заморозить человека, убеждая его «в чем угодно» сомневающимся в богах людей тоже «заговаривают» мифами. Но в то же время Платон похож на двуликого Януса: он чинит суд над древней мифологией, корит мифы за несоответствие философской истине и нравственности, наконец, изгоняет мифотворцев-поэтов из идеального государства, но одновременно выстраивает конструкцию новой символической мифологии. Уже неоплатоники пытались снять имеющиеся противоречия. Например, Прокл отвечает на этот вопрос классификацией мифов. Бывают мифы воспитательные – это здравые и трезвенные; рационально – утилитарные иносказания философского свойства, именно такие мифы Платона. Другое дело – мифы с преобладанием «энтузиастического или божественного начала с перевесом вдохновения над учительной интенцией и как у древних поэтов Гомера и Гесиода. Такие мифы: не воспитывают, но посвящают в некие таинства, вводят в некую инициацию. Нужны те и другие мифы, но служат они разным целям. Воспитательные мифы соответствуют незрелому состоянию человека, божественно-неистовственные пригодны для совершеннолетних, первые ориентированы на моральный уровень адептов, вторые – на вселенское. Испуг, изумление, душевное потрясение, вызываемые парадоксами божественно-неистовственных мифов открывают дорогу таинственным силам симпатии, связующей человеческую душу с энергиями священных символов. Браня Гомера и Гесиода, Платон, по мысли Прокла, закладывал основы позитивной теории воспитательного мифа, но сам и не думал всерьез выступить против божественно-неистовственного мифа. Таким образом, миф воспитательный – аллегория, миф божественно- неистовственный – символ (9, с. 84, 96-97).

Следует ли рассматривать данные противоречия только лишь характером Платона, его жизненной и философской драмой (11), или под обманчивой простотой мифа об Атлантиде, залегает глубинный пласт потаенных мистерий, таинственных и запретных для всякого смертного? Для этого и вводится мифологический аспект. Автор статьи хотел бы предостеречь читателя: данное исследование ему может показаться излишне эмоционально-восторженным, неким эссе, посвященном Атлантиде, но это не так. Лучшее в мире эссе-миф написал сам Платон, излагая свое видение в двух диалогах «Тимей и Критий». Автор будет опираться, прежде всего, на многочисленные исторические факты, привлекая как эзотерический, так и мифологический материалы, выискивая в них то золотое зерно, называемое Атлантидой и давшее такой богатый урожай. Но мы все же будем помнить указание Жирова и других атлантологов, по

возможности, критически подходить к эзотерическому преданию, но вовсе не отбрасывать его в сторону. Это замечание касается и мифологической проблемы, с которой легко соскользнуть в Тартар ошибок недоразумений и казусов.

Мы много говорим о мифе, но не знаем, в чем состоит его сущность? Что же такое мифология? Согласно крупнейшему советскому этнографу С. А. Токареву мифология – произведения народной фантазии, содержащие в себе наивно олицетворяющие объяснения фактов реального мира. Мифы рождаются из естественной любознательности человеческого ума, на ранних стадиях его развития, на почве трудового опыта, по мере расширения этого опыта вместе с ростом материального производства расширяется круг мифологической фантазии и усложняется ее содержание» (12, с. 550). В самой мифологии существовали самые различные гипотезы и теории. Еще в 1914 году русский мифолог Е. Г. Кагаров писал что «быть может, ни в одной науке не господствует такая масса различных гипотез и мнений как в области мифологии» (13, с. 34).

По вопросу о сущности и происхождения мифологии Токарев выделяет четыре главные точки зрения: 1) натуралистическая (натурмифологическая, астрально-мифологическая) теория, видевшая в мифах олицетворенное описание и объяснение явлений природы, преимущественно небесных; 2) эвгемерическая, согласно которой мифологические персонажи суть реальные люди, предки, а мифы – разукрашенные фантазией рассказы об их подвигах; 3) биологическая (сексуально-биологическая, психо-аналитическая) точка зрения на мифологию как на фантастическое порождение подавленных подсознательных сексуальных влечений человека; 4) социологическая теория, понимающая мифы как непосредственное выражение связи первобытного общества с окружающим миром. Он же устанавливает приблизительное количество наиболее типичных и широко распространенных мифологических сюжетов: 1) мифы о животных; 2) мифы о небесных явлениях; 3) космогонические и антропологические; 4) эсхатологические; 5) мифы о происхождении смерти; 6) мифы о великом потопе; 7) мифы о непорочном зачатии; 8) мифы об умирающем и воскресающем боге; 9) искусственные мифы, создаваемые философами для объяснения своих теорий (Платон, Эвгемер, Ямбул) (12, с. 508-509, 538-548).

Миф не представлял собой нечто застывшее, постоянное, он рос и развивался по мере развития общественного сознания: Мифологические черты, раз сложившись еще в эпоху доклассового общества, продолжали держаться в памяти людей в виде пережитков и в позднейшие эпохи. Сказания, сказки, легенды, предания, религиозные верования.. Эти смежные и отчасти сходные явления вытекают из мифологии и отличить их порой друг от друга бывает очень трудно. По нашему мнению, только Рыбин сделал попытку разграничить данные понятия по отношению к Атлантиде (14, с. 11-17).

Сказка, сказ, сказание. На первый взгляд эти слова обозначают нечто сказочное, нереальное, фантастическое и вымышленное. Но кажущаяся простота всегда обманчива. Разберем данные понятия. Сказка — повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных, фантастических сил. Многие исследователи, в том числе Горький, смешивает миф и сказку, сближая их друг с другом. Токарев склоняется к тому, что «отличием любого мифа от сказки является его этиологическая функция. Сказка рассказывается просто для развлечения, либо для морального назидания, но она ничего не объясняет. Миф же всегда в какой-то точке соприкасается с окружающей человека действительностью и как-то ее объясняет» (12, с. 519). И так, в мифы люди верят, а сказку сами рассказчики считают вымыслом. Советский фольклорист В.Я. Пропп выбирает для своего исследования волшебные сказки, в которых есть следующие сюжетные линии: 1) нанесение какого-либо ущерба или вреда (похищение, изгнание); 2) желание иметь что-либо (царь посылает сына за жар-птицей, молодильные яблоки и т.п.); 3) поединок с противником (важнейшая форма его — змееборство), возвращение и погоня. Для наших разысканий здесь важны герои

древнегреческих мифов: Атлант (Атлас), Персей, Гермес, Геракл, Прометей, Тантал, Пелопс, Одиссей, Менелай и другие. Все они в какой-то мере связаны с этими сказочными мотивами и имеют непосредственное отношение к Атлантиде, о чем будет сказано ниже. Пропп согласен с другим исследователем Тронским, который говорил, что «миф и сказка отличаются не по своей форме, а по своей социальной функции». Пропп утверждает: «Мифы народов не дошедших в своем развитии до государственности, — это одно явление, мифы древних культурных государств, известных нам через литературу этих народов — явление уже иное. Миф не может быть отличаем от сказки формально. Сказка и миф (в особенности мифы доклассовых народов) иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называют сказками» (15, с. 18, 27). Прделанный Проппом палеонтологический анализ волшебной сказки как целого, позволяет ему прийти к заключению, что значительная часть мотивов волшебной сказки отражает обряд инициации. Многие из этих мотивов восходят к разным социальным институтам (обряд посвящения, например).

Наиболее ценными, по мнению Проппа, оказались не европейские и не азиатские материалы, а американские, отчасти океанийские и африканские. Недаром многие атлантологи устанавливают прочные связи между Новым и Старым Светом (сходство пирамид, созданных индейцами Мексики и других центрально-американских стран и древнейших египетских, также имеющих ступенчатую конструкцию, сходство календарей, мифов и преданий и т. п.). Азиатские народы стоят на более высоком уровне культуры, чем стояли народы Америки и Океании в тот момент, когда их застали европейцы и стали собирать этнографические и фольклорные материалы. Азия же представляет собой некий культурный котел, где перемешались многие расы и народы, что затруднило исследование. Совсем другое явление, представляет собой мифы древних греков и римлян, Вавилона, Египта, в малой части Индии и Китая, которым ученые отказывали в народности, приравнивая их к произведениям письменности. Однако Пропп указывает на их подлинную народность, «Мифы доклассовых народов, таким образом, представляют собой прямые источники, здесь же мы имеем источники косвенные. Они с несомненностью отражают народные представления, но не всегда являются ими в прямом смысле этого слова. Может оказаться, что русская сказка дает более архаический материал, чем греческий миф (15, с. 28-30). Российские атлантологи уже привлекали славянский материал к изучению проблемы Атлантиды и довольно успешно (16, 17, 18, 19, 20, 21).

Но сказкой, как оказалось, не исчерпывается фольклор. Сказ — произведение устного народного творчества о событиях прошлого или современности, в котором повествование ведется от лица рассказчика. И последняя форма — сказание. Это рассказ, предание, облеченные в литературную форму, письменную или устную. Таким образом, оно сливается с преданием и легендой. В словаре синонимов легенда синоним предания. Это прослеживается синонимами легенды: былины саги, т.е. сами сказания. Что же говорит сам Платон? Рассказывает Критий: «Послушай же, Сократ, сказание, хоть и весьма странное, но, безусловно, правдивое» («Тим.»., 20д). Далее реплика Сократа: «Прекрасно. Однако что же это за подвиг, о котором Критий со слов Солона рассказывал как о замалчиваемом, но действительном, совершенном нашим городом»? («Тим.»., 21). Критий вновь повторяет: «Я расскажу то, что слышал, как древнее сказание» («Тим.»., 21). Затем он еще дважды повторяет, что рассказ жрецов — сказание («Тим.»., 21с-д). Но через некоторое время, в этом же диалоге Критий говорит о предании («Тим.»., 23е-с), установлении («Тим.»., 23с), священных записях «Тим.»., 23, 23е), и, наконец, письменах («Тим.»., 24).

Предание (легенда) уже совсем близко к исторической действительности. Предание — устный рассказ, который содержит сведения об исторических лицах, событиях, местностях, передающиеся из поколения в поколение. Легенда также является рассказом о

чудесном, воспринимаемом рассказчиком и слушателем, как достоверное событие. Токарев говорит о произведениях народного творчества, в основе которых лежат какие-то исторические события: таковы легенды об основании городов (например, Фив, Рима, Киева), о войнах, о видных исторических деятелях. Повествования о Троянской войне, о походе Аргонатов и других великих предприятиях греков, по мнению ученого, опираются на действительные исторические факты и подтверждаются археологическими и другими данными (например, раскопки Шлиманом Трои). Но провести грань между такими легендами и мифами очень трудно, тем более что в число исторических рассказов о Троянской войне вплетены образы богов и других сверхъестественных существ (12, с. 509-510).

Нас, прежде всего, интересуют здесь эвгемеристическая концепция, которая сводила практически мифы к легендам. Боги и герои, утверждает сицилиец Энгемер (4-3 вв. до н. э.), это суть справедливые правители прошлых времен, получившие божеские почести и бессмертие большей частью благодаря благодеяниям, оказанным людям, хотя некоторые из богов получили их потому, что пользовались уважением завоеванных ими народов, которые и провозглашали их богами. Из эллинистических авторов Диодор Сицилийский придерживался принципов Энгемера, своего земляка. Как ни странно, но именно археология выработала критерий для отделения мифов, за которыми находятся реальные события, от мифов, не имеющих точек соприкосновения с историей. «Богатые раскопки на острове и на местах Трои, Микен, Тиринфа, Пилоса и других показали, что в основе сказаний об этих городах лежат исторические данные. А надписи этой эпохи позволяют предполагать, что некоторые из героев, как Приам, Гектор, Парис а может быть, Этеокл и другие были историческими личностями (22, с. 31-32). Одной из таких сенсационных находок необходимо признать сокровищницу царей из Дорака на малоазиатском берегу Мраморного моря. Невероятные реликвии неведомых богов, виденные и частью описанные профессором Джеймсом Меллартом, по оценкам экспертов превысили все возрастные рамки. Их возраст составил 45 веков! После чего они благополучно исчезли через вереницу подставных лиц и осели, видимо, в частных коллекциях Америки (23). Вероятнее всего, там же нужно искать следы несметных богатств легендарного царя Креза (24). Недавно промелькнуло сообщение об обнаружении гробницы еще одного мифического царя Мидаса в Турции (25). Установлено, что последние цари этрусского государства Тарквиний древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый могут быть признаны историческими лицами, но их образы искажены патриотическими легендами. «Предпринятая современным итальянским историком Э. Перуцци попытка изложения истории Рима по Царствованиям Ромула, Нумы Помпилия, Анка Марция, возвращает нас к давно преодоленной тенденции воспринимать римские этиологические мифы как реальность» (26, с. 15).

Таким образом, современная атлантология получила прекрасную возможность вычленив из великого множества европейских, в основном, мифов, сказаний, саг и преданий такие мифы и сказания, которые бы *прямо указывали на Атлантиду*. Если существовало предание об Атлантиде, рассказанное Платоном, то оно должно было бы передаваться из поколения в поколение в виде генеалогических схем, за которыми стоит историческая реальность и память человеческих поколений. Другое дело: в каких странах рассматривать такие таблицы и каких родов?

Каким же, все-таки, было предание египетских жрецов: устным или письменным? Можно предположить, что оно оказалось устным, т.к. египтяне не могли передать философу священные записи, написанные иероглифами по очень простой причине, во времена Солона греки не знали, как их расшифровывать. Но жрецы и Солон могли свободно общаться с помощью переводчиков, Геродот, например, настолько зависел от переводчиков, что был склонен преувеличивать их значение и численность и даже видел в них отдельный класс населения (Герод., II, 164). Памятники египетской письменности

говорят о том, что их письмо предоставляет собой законченную систему, явившуюся продуктом очень длительного развития. Существовало три вида письма: иероглифическое (священное), иератическое (жреческое) и демотическое (народное). Иероглифическое письмо использовалось почти 3500 лет. Последняя иероглифическая надпись относится к концу 4 в. н. э. Общим мнением в древности было, что иероглифы передают понятия, а не звуки. При этом полагали, что идеи, содержащиеся в написанных при помощи этих знаков текста, обязательно носили глубокий священный характер и были связаны с тайными учениями египетских жрецов. Но после расшифровки их Шампольоном в 1822 году все оказалось намного прозаичнее. Он сделал заключение, что у египтян была полуалфавитная система письма и они, подобно некоторым народам Востока не выписывали гласных.

В Египте ученые не обнаружили никаких сведений об Атлантиде, но это обстоятельство говорит только о том, что у различных народов страна атлантов носила то название, которое ей дало автохтонное население.

Но вопрос так и остался открытым. Были ли на самом деле записи об Атлантиде или нет? Вот здесь начинается самое странное. Сам Платон как бы забывает, что есть письменное свидетельство о Посейдоновом царстве и заставляет Крития «припоминать» («Тим», 21) о них, затем призывает все-таки Мнемозину – богиню памяти («Крит», 108д), чтобы она помогла вспомнить ему о достославном событии («Тим», 26, 26в; «Крит», 112е, 108е). Кажется резонным вопрос: зачем мучиться припоминаниями, если есть конкретные записи у Солона? Рыбин говорит по этому поводу о скептицизме Платона и поиске им некой истины, но в чем состоит сущность искомой истины здесь не сказано (14, с. 147-153). Это малоутешительный вывод. Мы опять должны вернуться к пониманию «словесной» и «подлинной» лжи. Где виден явный вымысел или нелогичный подход (в нашем примере «записи» и «припоминания» одновременно), там может содержаться нечто истинное или правдоподобное, а именно, само предание об Атлантиде. Сказание об Атлантиде – это миф, но миф по-платоновски, или, миф, рассматриваемый глазами Платона, внутренним взглядом философа. Прав Лосев, говоривший, что миф необходимо рассматривать «исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами» (27, с. 9).

Поэтому повествование философа об Атлантиде – это и миф, и предание (сказание), и легенда, и записи (письмена), и, наконец, *Истина в самом чистом, первоизданном, совершенном виде*. Также и истина бывает абсолютной и относительной, а значит, какое-то знание об Атлантиде может быть абсолютно-истинным, а какое-то относительно-истинным. Как и характеристика самого знания. Существуют два вида знаний: знание, хранимое в тайне и знание содержащее тайну т.е. знание секретов скрытых природой от человека. Скорее всего, знание о царстве атлантов сохранялось в тайне Посвященными в мистерии, или мистами. Они хотели познать мир богов и мифов. Где для народа был образ Бога, где для него был миф, там мист искал высшей истины. Притягательная сила исследования мифа становилась из века в век все могучей и полноводней, сливаясь с божественной мудростью. В свое время философ Томас Браун в книге «Захоронение урны» «назвал труднейшими вопросами, которые все же имеют ответы», скажем: Какую песню пели сирены, и какое имя принял Ахилл, прячась среди женщин? Несмотря на скептицизм древних, многие из них упоминали Атлантиду или помешали в Атлантическом океане острова и материи, схожие с Платоновым описанием. Среди них Гомер, Гесиод, Гелланик, Дионисий Скитобрахион, Марцелл, Страбон, Посидоний, Крантор, Плиний. Интересную подробность сообщает Порфирий в своей книге «Жизнь Плотина». Он говорит о некоем Зотике, ученике Плотина, критике и стихотворце, переложившем на стихи сказание об Атлантиде (28, с. 465).

И это помимо прекраснейших мифов и преданий, оставленных нам, как отцовское наставление, как память многих людских поколений, ушедших за грань Зеркала Природы.

Неравноценное, скептическое отношение современных ученых к мифологии, в частности, к эвгемеризму (29, с. 8, 95), вызывает у других неподдельный исследовательский интерес и поэтическое вдохновение. Одним из таких был Роберт Грейвс (1895-1986), английский поэт, прозаик и мифолог. В своей знаменитой книге «Белая богиня» (1948) он рассматривает историческую грамматику языка поэтического мифа. В ней же писатель пробует ответить на труднейшие вопросы мифологии такие, которые ставил перед собой когда-то Браун. Грейвс пишет: «Я нашел реальные и точные ответы на многие подобные вопросы, например: Кто рассек ногу дьявола? Когда пятьдесят данаид явились со своими похитителями в Британию? Какая тайна заложена в гордиевом узле? Почему Иегова сотворил сначала деревья и травы, а потом уже солнце, луну и звезды? Где искать мудрость?» (30, с. 7-8). В 1955 году выходит еще одна книга английского писателя, не менее знаменитая «Мифы древней Греции». Данная работа содержит изложение и подробное толкование различных вариантов 171 греческого мифа, сопровождающееся множеством ссылок на античные первоисточники. Его метод состоял в том, «чтобы объединить в гармоничное целое разрозненные элементы каждого мифа с привлечением малоизвестных вариантов проясняющих смысл мифа» (31, с. 35). Но мифография продолжает развиваться. Появляются работы, трактующие традиционные мифы с неожиданной стороны, например, с позиции карт Таро (32), что позволяет предположить неисчерпаемость и непредсказуемость мифологических схем, их аллегорических и символических значений.

В статье мы приведем новые факты, рассмотрим новые вопросы. Платонова предания, отличные от других. Многие факты, конечно, конечно будут повторяться, но уже в другой интерпретации, неся в себе различную смысловую и иную нагрузку, иногда связывая между собой совершенно неоднородные события и явления. В этом случае применим известный в науке закон кентавристики – соединение противоположностей. Сама по себе *кентавристика* – тонкая структура парадоксов, где сочетается несочитаемое. Предвидим возражения, как можно соединить несоединимое, как можно из всего этого извлечь какую-нибудь истину в такой непростой проблеме как Атлантида, но давным давно за нас такой шаг сделали древние греки, придумав образы кентавров, гиппокантов, кентавротритонов или ихтиокентавров. Мы будем применять этот принцип, никогда не забывая золотое правило Оккама: «Не следует умножать число сущностей сверх необходимости».

Напевают сладкоголосые Сирены – правду об Атлантиде ищите в мифах-сказках, ибо в них заключена божественная мудрость. Пройдя многие тысячелетия через сплав людских поколений, они такими и остались: вечно юными и прекрасными, как будто созданными в первые дни творения, не это ли должно поражать нас в первую очередь, когда входим мы в воды Атлантического океана. «Миф уводит нас к юности мира, где земля ближе к небу – к богам, время – к вечности» (10, с. 132). Могучая Река-Океан огибает обозримую Ойкумену единым широкоструйным течением, разливаясь обширным потоком в бескрайнюю даль. Чудно поют дево-птицы, подхватывают ту песнь Музы. Сказывают, что в незапамятные времена мир разделялся мир живой жизни и мир мертвой жизни. Отделяла один мир от другого Мировая Река-Океан. Чтобы достигнуть мира мертвой жизни, надо было переплыть или перелететь Океан (33, с. 17), что и сделали в свое время Гелиос, Персей, Геракл и Одиссей. А это уже догомеровское представление об окружающем мире. Томсон описывает древнейшую географическую карту, относящуюся ко времени Саргона I, царя Аккада (2369-2314). Евфрат показан здесь текущим на юг с гор, мимо Вавилона, к болотам, а внутри кружков даны названия стран и городов, например, Ашшур. Кругом, прилегая к кружкам, течет Горькая река, или Океан, а в треугольнике за ней находится опасный рогатый бык (созвездие Тельца), или «Полутемное царство», или «Царство без солнца». Текст и вся концепция безнадежно неясны, оговаривается Томсон (34, с. 68). Но мы знаем, что в эпоху Тельца (4000-2000 гг.

до н. э.) так называемые, «народы моря» прибыли в Средиземноморье и в области Северной Африки. Это был расцвет минойской и микенской культур с их выделенными культами быка и закат матриархата под натиском пришельцев с севера.

Далеко на Западе находится мир мертвой жизни, окрашенный в цвета заката. Никто из атлантологов так не прочувствовал багряный цвет Атлантиды, и никто так горячо и страстно на поразительно-божественном уровне не ощутил страшной тайны «Острова, тогда еще озаряемого солнцем», никто так не вжился в самую природу Платонова мифа как Мережковский. Там, на Западе – «Закате всех солнц» видится ему конец первого мира и начало второго, которых два мировых века-эона, как черта горизонта разделяет небо и землю. Между этими веками «утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти от нас туда не могут, так же и оттуда к нам не переходят»; но и через пропасть слышат и видят друг друга (10, с. 44, 133, 137).

2. ПЛАТОН

О темноте и трудности понимания диалогов «Тимей» и «Критий» говорят почти все исследователи. Будто некая тайна витает над сочинением Платона, словно птица Феникс, то сгорающая в огне времени, то вновь появляющаяся через определенное количество лет. Многие атлантологи исходят из того, что главная загадка поздних работ — это местонахождение самой Атлантиды. Нам же представляется, что все дело в самом философе. Не скрывал ли Платон за красивой сказкой какую-то непостижимую для его современников реальность, уходящую в далекое прошлое, и если утаивал, то почему? Поэтому говорить мы будем, прежде всего, о диалогах и о самом Платоне.

В свое время Кнорозов писал: «Н.Ф.Жиров не дает никакой характеристики диалогов Платона, в которых рассказано об Атлантиде. Между тем совершенно ясно, что следовало бы начинать именно с всестороннего критического изучения этих источников, на которые всецело опираются так называемые атлантологи» (35, с. 113).

В какой-то мере виноват в этом сам Платон, который желал, «чтобы его учение не было уяснимым для людей несведующих» (со слов Диогена Лаэртского). Последователи учения знаменитого философа, неоплатоники (Плотин, Порфирий, Прокл) были убеждены, что постичь содержимое мифа можно только с помощью мистической, божественной силы, а это подстать людям «боговдохновенным», которые, будучи, лишённые внешнего зрения, приобретают внутреннее духовное зрение. Среди них Тиресий, Фамирид, Гомер и другие. Но необязательно быть слепым в жизни, для того, чтобы стать боговдохновенным, необходимо пройти путь посвящения, а это удастся только избранным мудрецам, ученым и поэтам. Олимпиодор говорит, что Платона-поэта четыре раза посещало «божественное вдохновение: первое – в «Тимее», где он вдохновляется, обуянный богом», второе – в «Государстве», «где он обуян Музами», третье – в «Федре», будучи «обуян нимфами», четвертое – в «Теэтете», где «он вдохновляется философией». Здесь важна градация, данная Олимпиодором: 1) бог, 2) Музы, 3) нимфы, 4) философия. Но этот ряд необходимо рассматривать в ином порядке 1) «Федр» – нимфы, 2) «Теэтет» – философия, 3) «Государство» – Музы 4) «Тимей» – бог, по мере написания диалогов. Поразительно то, что Платон как бы восходил по некой небесной лестнице к самому великому и загадочному диалогу «Тимей», оставляя позади себя и поэзию, и философию, чтобы там, высоко в эмпиреях получить в дар божественное откровение – тайну Атлантиды. Он шел к этой тайне всю жизнь и унес ее с собой вместе со смертью. Несомненно, ключ к пониманию образа Атлантиды – божественная, скрытая, эзотерическая тайна, недоступная простому смертному.

Современники называли Платона «соперником Гомера». Что художественное произведение рождается в процессе вдохновения, творческого подъема ни для кого не секрет. Тем же способом появилось на свет и большинство научных открытий. Почти всякое открытие – это некое озарение, прорыв в другой мир, управляемый непонятными пока законами, написанными таинственными и загадочными формулами. Но бывает так, что кто-то неведомый нашептывает что-то на ухо, и человек теперь ясно видит эти формулы, запросто может их расшифровать и прочесть. Этот голос зовут даймоном или демоном, он есть у каждого человека, вот только слышат его не все и нашептывает он не каждому. Такой дaimон был и у Сократа, и философ частенько прислушивался к нему. Есть много способов увидеть и понять запредельное, или получить некую информацию, как сейчас говорят, из информационного поля Земли (как бы космического Разума Вселенной). Это также ясновидение, ченнелинг – получение информации из источника, отличного от сознательного «Я» воспринимающего («ченнелера»), генная память (один из видов – «палеолитичные» сны, в которых время течет вспять и всплывают картины прошлого) и некоторые другие виды.

Можно задаться вопросом, каким способом Платон получил сведения об Атлантиде? Обратимся к таблице.

1. Платон сам придумал Атлантиду.
2. Сказание об Атлантиде – семейное предание, восходящее к Солону и египетским жрецам.
3. Платон имел свой дaimон и тот нашептал ему сказку об Атлантиде.
4. Платон слышал сказание от других лиц, нам неизвестных, или почерпнул его из иных источников (древних мифов, преданий, письменных и др.).
5. Божественное откровение.

Кратко разберем каждый из пунктов.

1). В творчестве Платона сказано много. Это есть непреложная истина. «Платон – один из замечательнейших художников слова, с таким даром фантазии, который редко можно встретить у какого-либо другого философа» (35). Кростев в своем исследовании пишет: «История об Атлантиде может иметь чисто литературное значение. Если примем во внимание еще древние, современные ему (Платону), и поздние оценки о его свободном творческом характере и аллегоризме Платоновых произведений, можем, действительно, допустить, что версия об Атлантиде – плод его богатого воображения» (14, с. 29). Творческое воображение философа занимает древних. Рассказывают, что Платон о своем учителе Сократе написал столь много, что и не говорил вовсе о нем. Говоря от лица Сократа и Тимея, Платон как бы излагает собственные мысли. Большинство современников философа не верили в историю об Атлантиде, т.к. не были расположены к нему, описывая заносчивость Платона и тайную вражду к ученикам Сократа.

2). О семейном предании, восходящем к Солону, а от последнего к египетским жрецам пишет сам Платон. Семья Платона и весь его род тесно связаны с Афинами. Именно предание говорит о предках философа, ведущих свое происхождение от бога Посейдона и смертной женщины Тиро, чей сын, пилосский герой Нелей, породил вместе с Хлоридой 12 сыновей, в числе которых были знаменитый гомеровский мудрец Нестор и его брат Периклимен, участник похода аргонавтов за Золотым Руном. Потомком Периклимена был Андропомп, а его сын Меланф стал отцом Кодра, последнего афинского царя, личности почти исторической. Кодр, изгнанный из наследственной Мессении, был принят в Афинах последним потомком *Тесея Тимоентом* и получил из его рук царскую власть в благодарность за свою помощь ему в войне. Солон ведет свой род от Медона, сына Кодра, потомки которого именовались медонтидами, или кодридами. От Солона и его родича

Дропида вели происхождение мать и отец Платона. Таким образом, Платон является потомком морского бога Посейдона, а Посейдон – владыка Атлантиды. Может быть, Солон и посетил Египет, как, впрочем, и Платон только для того, чтобы привезти в Афины истинные доказательства существования Атлантиды и подтверждения божественного происхождения своего рода.

3). О даймоне Платона ни он сам, ни его исследователи ничего не говорят, но это совсем не означает, что его у философа не было вовсе. Сущность даймона (демона) невероятно сложна. Во времена Гомера он ничем не отличался от бога, однако иногда под ним понималось нечто неизвестное, страшное, противоположное обычному изображению у поэта олимпийских богов. Порой это есть мгновенно возникающая и мгновенно уходящая страшная и роковая сила, о которой человек не имеет никакого представления, которую не может назвать по имени и с которой нельзя вступить ни в какое общение, но имеются некие демоны, направляющие человека по определенному пути, ведущие к каким-либо событиям, чаще всего к катастрофам. Так, Одиссей направлен к Навсикае демоном, чтобы подвергнуться еще большим страданиям («Од», VI, 172). Враждебный демон привел Одиссея к Калипсо («Од», VII, 248). Но демон может быть и не враждебным, это он приводит Телемаха к пристани невинно и Одиссея к отцу («Од», XVI, 370). Демон может вызвать внезапно ту или иную мысль. Под влиянием демона находятся решительно все события человеческой жизни—и большие и малые. Пиндар говорит о «демоне рождения». Наконец, демон охватывает и всю жизнь человека. Менандр утверждает: «Каждому человеку сопresentствует тотчас же после рождения демон в качестве доброго мистагога (водителя) его жизни» (37, с. 68-71). Платон тоже говорит о «демоне каждого человека, который достался ему в жизни». Скорее всего, даймон Платона мог быть не основным, а вспомогательным средством получения информации об Атлантиде. Даймон, или внутренний голос является как бы низшим звеном в мировой иерархии информационных систем и каналов. Интересно то, что *именно демон приводит Одиссея к островам Огигия и Схерия, издавна считавшимися землями Атлантиды*. В подтверждении этому мы расскажем еще об одном демоне, но несколько ниже.

4). Принято считать, что до Платона об Атлантиде, как некоем острове в Атлантическом океане не писал (сообщал) никто. Почти все исследователи сходятся на том, что у живших до Платона авторов нет такого названия «Атлантида», поэтому они о ней не знали и не могли знать. Но это не так. Историки Гекатей и Геродот упоминают древнее племя атлантов, обитающих во внутренней части Ливии около горы Атлас. Гора Атлас (Атлант) и племя атлантов на северо-западе Африки несомненно, дали название Атлантическому океану, а не наоборот. Сочинение Гелланика «Атлантида» или «Атлантиада» посвящено упорядочению преданий о потомках дочерей мифического Атланта, т.е. атлантидах-гесперидах. Немировский подчеркивает особую связь между фигурой Атланта и островом Крит, под последним он подразумевал Атлантиду. Фукидид описывает многочисленные землетрясения еще до Пелопонесской войны и после: в Афинах, на Евбее, в Беотии, особенно в беотийском Орхомене. На шестом году Пелопонесской войны, т.е. в 426 г. до н. э., когда Платону было 1-2 года, в летнюю кампанию «море при Оробиях, что на Евбее (напротив о. Атланта при Локров Опунтских у материка – А. В.), вследствие продолжающихся землетрясений, отступило от тогдашнего берега: поднялось страшное волнение, захватившее часть города, после этого вода частью залила землю, частью отступила назад от берега, и там, где прежде была суша, теперь стало море. При этом все, не успевшие взбежать на высокие места, погибли. Подобное же наводнение постигло остров Аталанту, что подле Локров Опунтских, причем оторвало часть афинского укрепления и из двух вытянутых на сушу кораблей один изломало» («Истор», III, 89). Зимой 373 года до н. э. в результате мощнейшего землетрясения ушел под воду стоящий на берегу Коринфского залива город ахейцев Гелика, знаменитый своим культом Посейдона. Тейлор, Хертер, а затем наш

соотечественник Панченко напрямую связали гибель Гелики и описание катастрофического опускания Атлантиды у Платона. «О впечатлении, произведенном на Платона гибелью Гелики, мы можем судить не только на основании общих соображений и того интереса, которые обнаруживают к ней его ученики Гераклит и Аристотель. В поздней платоновской философии большую роль играет представление о происходящих время от времени катастрофах. Оно выражено не только в «Тимее» в связи с Атлантидой, но и в «Политике», и в III книге «Законов». Все эти сочинения по совершенно независимым от нашего вопроса основаниям датируются временем после 373 года до н. э. До событий в Ахайте какого-либо интереса к катастрофам в творчестве Платона не наблюдается» (39, с. 60-61).

Но вышеперечисленные катастрофические явления могли служить Платону лишь фоном для Атлантиды, за которым скрывается глубокий мифологический пласт древнейших верований и сказаний. Одним из таких сказаний является миф об Аталанте. Аталанта – знаменитая аркадская охотница, участница Калидонской охоты и похода аргонавтов. Культ Аталанты существовал и в Беотии, где на побережье современного залива Аталандис есть город Аталанди. Там когда-то произошла катастрофа, описанная Фукидидом. Отцом Аталанты был аркадский герой Иас (варианты Схеней, Менал), потомок Аркада, сына Зевса, матерью охотницы стала беотийская царевна Климена, дочь Миния, сына Посейдона. Миний, в свою очередь был родоначальником племени миниев, вторгшихся, по мнению современных ученых, на территорию Средней Греции на рубеже 3-2 тыс. до н. э. Под его власть попали города Беотии с центром Орхомен. Некоторые греческие мифографы отождествляли миниев с аргонавтами и Ясона считали потомком Миния. Образ Аталанты прошел через тысячелетия, расцветившая новыми красками в розенкрейцеровских штудиях, но эта тема уже для следующей работы (40, с. 156-157). Аталанта каким-то непостижимым для нас образом связана с *морским божеством Посейдоном*. Недалеко от Эпидавра, возле развалин Кифантов есть пещера, посвященная Асклепию, там находится ключ с холодной водой. Говорят, что Аталанта, охотясь здесь и страдая от жажды, ударила копьем в скалу и оттуда потекла вода (со слов Павсания). Не правда ли, точь в точь, как в известном споре Посейдона и Афины за обладание Аттикой. Добывавшимся ее руки Аталанта предлагала состязаться в беге и всех, кого обгоняла, пронзала копьем. Неланипп (а по другой версии: Гиппомен) с помощью Афродиты хитростью одержал, победу над Аталантой. Во время бега он разбрасывал подаренные ему богиней золотые яблоки, растущие на Кипре. Поднимая их, Аталанта отстала и проиграла состязание. Лучше всех, по нашему мнению, этот миф рассказал Овидий. В его «Метаморфозах» Гиппомен – внук Нептуна (Посейдона) говорит Аталанте: «Победив Гиппомена, получишь – если меня победишь – долговечное, *громкое имя!*» И Аталанта невольно откликается на этот призыв, она влюбляется в Гиппомена, а затем оба предаются любовным утехам в одной из пещер, посвященной Кибеле («Метам», X, 553-707).

Разбросанность однокорневого слова по обе части океана определенно наводит на мысль о его повсеместной географической распространенности и длительной временной протяженности. Тысячелетняя вкрапленность атлантических топонимов на берегах Америки, Африки и Европы говорит об их глубочайшей древности. Русский философ Маковельский так высказывался по этому поводу: «смысл слов с течением времени изменялся, и поэтому, как удалось установить, даже Аристотель понимал уже неправильно некоторые выражения досократиков». Недаром появлялись так называемые глоссы – слова в сочинениях древних авторов малопонятные уже античным читателям. Мережковский, например, видел в корне имени Атлас – тлао (терпеть, страдать), может быть, суть всей мистерии: тайна страдания – уже не олимпийская, а титаническая тайна Атласа и Атлантиды – Атлантики. Атлас «древний бог-титан, низвергнутый олимпийскими богами на Западе, Прометей – на Востоке. Оба – «страдальцы». «Человек

любит страдать» - вот что хочет и не смеет сказать Платон: если бы он это сказал – открыл тайну мистерий, греки казнили бы его так же, как едва не казнили Эсхила за «Прометея» (10, с. 45-46).

Скорее всего, описанное Платоном царство в океане называлось совсем по-другому, ведь это была, варварская страна по отношению к Элладе. Она могла называться: Аменти, Поля Иалу, Елисейские Поля, Острова Блаженных, Остров Кроноса, Гесперия, остров Горгон, материк Феопомпа, Огигия, Схерия, остров Цирцеи, остров Эола, Тринакрия, остров Циклопов, страна Лотофагов, страна Лестригонов, остров Эя, Оркадские острова, остров Туле, Ликтония, Тартесс. Это все доплатоновские названия и каждое из них могло быть Атлантидой или ее составной частью (колонией). Но все же прав Кростев, когда пишет: «Единичные упоминания в древности понятий Атлас, Атлантическое море, атланты и изредка Атлантида множеством авторов и преданий говорят о заморских островах и землях *на Западе о катастрофических землетрясениях* на них и гибели, очень сходных с описанием Платона» (14, с. 188). Вышесказанное наводит на мысль, что миф об Атлантиде существовал во времена Платона, но он принимал настолько несхожие облики, что различить их порой бывает очень трудно. Здесь необходим осторожный, тщательно выверенный подход к такому типу мифа. Одно из двух, предание об Атлантиде было достаточно распространено на территории тогдашней Ойкумены, или оно тщательно сохранялось служителями некоего тайного культа (может быть отдельными лицами), причастными к такому роду знаний, и Платон, по какой-то, только ему известной причине, вдруг решился обнародовать это сказание. На данные вопросы мы и попытаемся ответить.

В созданной им Академии философа окружало большое количество учеников, именитых гостей, путешественников, заезжих знаменитостей, да прост любопытных, пришедших посмотреть на дом Платона, идя из Афин через пригород. Керамик по длинной дороге, обставленной каменными стелами, воздвигнутыми в честь выдающихся героев, сражавшихся за свободу Афин. Большинство из этих людей не были расположены (Ксенофонт) к философу, многие откровенно завидовали на почве близости к Сократу, иные открыто выступали против Платона и уходили в глухую оппозицию. Дело доходило до прямой ненависти, когда Платон, попытался скупить и сжечь сочинения своего современника Демокрита. Правда, такое намерение ему осуществить не удалось, пифагорейцы Амикл и Критий отговорили философа, указав на абсолютно безнадежную затею. Тот же Диоген Лазэртский сообщает, что Платон поручил Диону из Сиракуз купить у Филолая или у его родственников три пифагорейские книги за сто мин. Желчный скептик Тимон говорил в своих «Силлах»: И ты Платон. Ибо тобой овладело сильное желание учиться. За большую сумму серебро ты купил маленькую книгу. Выбирая оттуда самое лучшее, ты научился писать диалог «Тимей». Авл Геллий, приводя эти слова Тимона, прямо обвинил Платона в плагиате. Он пишет, что Тимон «дает оскорбительное название философу Платону за то, что последний купил за дорогую цену книгу, заключающую в себе пифагорейское учение, и из нее сделал «Тимея» известный славный диалог» (41, с. 73). Обычно атлантологи упускают из вида, что первым обвинил Платона в плагиате ученик Исократ Феопомп. Это именно тот Феопомп, который так старательно сам собирал легенды о Пифагоре (42, с. 100, 113), и написавший одним из первых сатиру на Атлантиду. Следующим был Аристоксен из Тарента, который видел «последних из пифагорейцев». Он написал о пифагореизме три сочинения «Жизнь Пифагора», «Пифагорейский образ жизни», «Пифагорейские мнения». Он утверждал, что Платон списал свое «Государство» у Протагора. Обвинял ли он Платона в плагиате у пифагорейцев, сказать трудно: в его фрагментах об этом не упоминается (42, с. 101).

5). Божественное откровение в монотеистических религиях – есть непосредственное волеизъявление божества или исходящее от него знание как абсолютный критерий человеческого поведения и познания. Проще сказать, это сообщение, изъяснение кому-

либо о чем-то неведомом, непостижимом до сих пор, открывающем новое, неизвестное, дающем новое толкование, объяснение чему-либо. Или, как говорит словарь русского языка, способность острого восприятия, глубокого проникновения в сущность вещей, явлений, свойственная кому-либо. Очень остро подметил такое чувство Вяземский: «Колумб мог откровением гения угадать новый мир, но без компаса не мог бы открыть его». Поразительное по своей точности пророческое откровение высказал в середине 1 в. н.э. Люций Аней Сенека (Младший) в песне из второго действия трагедии «Медея»

Промчатся года и чрез много веков

Океан разрушит оковы вещей,

И огромная явится взорам земля

И новые Тифис откроет моря,

И Туле не будет пределом земли.

Зайдлер полагает, что Сенека создал не прообраз будущего, а картину прошлого. Возможно, что стимулом для такого предсказания послужили слова его отца Люция Аннея Сенеки (Старшего) который писал: «Всему, чему природа придала определенную форму, она установила пределы. Неограниченное не существует, будь это даже океан. То, что в Океане лежат плодородные земли, что по ту Океана возвышаются другие берега и *другой мир*, что законы природы нигде не кончаются, но всегда появляются в Новом облике там, где они, казалось бы, не имеют силы, это легко можно себе представить...» Зайдлер полагает, что Сенека Младший и его отец верили в существование Атлантиды Платона и полагали, что ее остатки могли сохраниться (1, с. 159-160).

Весь мир есть откровение Божие, все в этом мире таинственно и символично. Весь мир обоснован в мысли и воле Божьей. И поэтому познание мира – есть раскрытие такого символизма, восприятие божественной воли и мысли, вписанной в мир. Таким образом, весь мир – некая книга неписанного Откровения. Само откровение есть высший информационный канал, «естественная сокровенность» Божества, которая показывает путь к многообразию и множественности творений. Путь Откровения и путь Познания соответствуют друг другу. Это единый путь, но в двух направлениях: Апокалипсис и Гносис. По замечанию Лосева, христианин не имеет права «толковать Апокалипсис», его необходимо понимать буквально. Апокалиптические образы должны быть буквальны в символическом смысле, они должны стать мистерией веры. «Это значит, что, понимая их подлинный смысл, мы не знаем, как они будут осуществляться, но мы верим, что то, что осуществится, будет иметь буквально именно этот смысл, а не иной. Другими словами, судить о том, как должно исполниться пророчество можно только по наступлении того события, которое предсказано. Полностью о пророчестве можно судить, таким образом, только после его исполнения. Скажут: зачем же тогда существует пророчество? Пророчество существует для того, чтобы установить Смысл грядущих времен, а не их факты. Поэтому все толкования должны ограничиться установлением только точного смысла, а не их фактического протекания» (27, с. 203-204). Но это взгляд христианина. Эзотерическое учение предполагает не буквальный смысл откровения; но более глубокий, для которого буквальный является только знамением. Существует только одно средство понять Платона: *нужно осветить его учение светом, исходящим из мистерий*. В одном из писем Платон пишет: «Я могу утверждать обо всех, кто писали или будут писать, будто они знают, в чем мое стремление – слышали ли они это от других, или выдумали сами, им нельзя доверять ни в чем. У меня нет сочинения относительно этих предметов, и таковое не могло бы и появиться, эти вещи никоим образом нельзя охватить словами как другие учения, для этого нужно долгое занятие данным предметом, и нужно вжиться в него: зато потом вспыхивает как бы искра, зажигающая в душе дотоле неугасимый свет». Комментируя слова Платона, Рудольф Штайнер указывает на бессилие в употреблении

слов, – что было бы только личной слабостью, – если бы в них нельзя было найти мистериального смысла. То о чем Платон никогда не говорил или не писал, должно быть *чем-то большим и значимым, о чем говорить бесполезно*. Это должно быть чувством, ощущением, переживанием, которое может быть получено не путем мимолетного сообщения, а только глубоким «вживанием». Мы бы сказали – «*вживанием*» в *Атлантиду*, так как этот образ жизни характерен для всего мировоззрения Платона. Предание об Атлантиде могло быть благотворящим излиянием или истечением Бога, его божественной мудрости.

3. ФИЛОЛАЙ

Как бы продолжая рассматривать четвертый пункт в предыдущей главе, мы подходим к одному из самых сложных и запутанных вопросов истории—воздействию пифагорейского учения на Платона и определении пифагорейской составляющей в платонизме. Сам философ не очень был склонен распространяться по этому поводу. В своих диалогах он только один раз упоминает Пифагора, да и то по второстепенному вопросу, а также однажды употребляет сам термин «пифагорейцы». Прежде чем приступить к Филолаю, скажем несколько слов о самих пифагорейцах.

Во время Великой греческой колонизации на рубеже 8-6 веков до н. э. на острове Сицилии возникают греческие полисы: Сиракузы, Акрагант и другие, а на юге Апеннинского полуострова – Кумы, Неаполь, Посидония, Элия, Регий, Локры Эпизефирские, Кротон, Сибарис, Тарент, Метапонт и еще несколько греческих городов-государств. Сибарис, Локры, Кротон и Метапонт были основаны ахейцами, Тарент – дорийцами, а Элия – ионийцами. Именно в Кротон, тесно связанный с Самосом, прибывает после длительных странствий Пифагор. Выступая перед гражданами города, философ говорил о справедливости и согласии. Вскоре вокруг Пифагора стал образовываться круг почитателей и горячих приверженцев. Исократ писал после: «он настолько славою превзошел остальных, что вся молодежь хотела быть его учениками, и старшие предпочитали видеть своих детей в учении у него, нежели за занятиями своими домашними делами» (41, с. 29). Учение Пифагора стало распространяться на другие города «Великой Греции». Вскоре Пифагору представился случай вмешаться в политические дела Кротона. Он выступил на стороне партии, которая готовилась к военным действиям против Сибариса, самого богатого полиса на всем юге Апеннинского полуострова. Сибарис был полностью разрушен, а его жители проданы в рабство. Легенды утверждают, что Сибарис был затоплен водами реки, которую перекрыли кротонцы. В 1960-х годах ученые провели аэрофотосъемку в заливе Таранто и обнаружили геометрически правильные очертания каких-то сооружений, находящихся под водой. Они предположили, что это был город Сибарис. После тщательных изысканий археологи обнаружили легендарный полис. Они установили, что в этом районе произошло опускание почвы, береговая часть равнины опустилась на 3 метра. Остатки Сибариса были занесены песками и наносами и оказались ныне на 4-5 метров ниже уровня моря. Однако, возможно, что на дне залива находится какое-то другое древнее поселение, но *какое?* (44, с. 66-67). Не напоминает ли нам изнеженная и роскошная жизнь сибаритов благоприятное, благодатное существование атлантов, или их колонистов, поселившихся в заливе Таранто? Действительно, это был райский уголок, где жители одевались в шелка, украшали себя золотом, пили вино «как воду», пользуясь специальными «винопроводами», тянувшимися из виноделен прямо в дома. Здесь были запрещены шумные ремесла, чтобы не беспокоить обитателей Сибариты, также, как и атланты, поплатились за распущенность и развращенность, только первых уничтожили люди, вторых—боги.

После одержанной победы пифагорейцы пришли к власти. Пифагорейские сообщества (гетерии) стали возникать и в других городах «Великой Греции». Кротон делается сильным и влиятельным полисом во всей южной Италии. Но пифагореизм продержался недолго. После победы над Сибарисом, сила влияния пифагореизма на общественную и политическую жизнь Кротона все возрастала, что привело, естественно, к ответным, враждебным акциям со стороны некоторых партий. Так называемый «заговор Килона» довершил разгром пифагорейской общины в одном из домов города, где проводилось очередное собрание учеников Пифагора. Килоновцы подожгли здание, в огне сгорели все пифагорейцы, исключая самых молодых и сильных Архиппа и Лизиса, которым удалось вырваться. Об этом рассказывает Плутарх, но у него спаслись Филолай и Лизис, что явно не соответствует действительности. Итак, в середине 5 века до н. э. пифагорейский союз был разгромлен. Лизис и Филолай основывают пифагорейскую диаспору в Фивах. Затем во второй половине 5 века до н. э. Филолай вновь возвращается в «Великую Грецию» в Тарент.

Филолай, таким образом, принадлежал к так называемому среднему пифагореизму (сер.5 века до н. э.). Это было время, когда распался Великий пифагорейский союз, а само учение подверглось критике со стороны Зенона. Филолай—уроженец Кротона или Тарента. Древние авторы приписывали ему следующие сочинения: «О природе», «Вакханки», «О душе», «О рифмах и мерах». Он был одним из первых, кто обнародовал тайное учение Пифагора. Вот как пишет об этом Димитрий в «Омонимах»: Филолай «первый выпустил в свет книги пифагорейцев под заглавием «О природе»... (41, с. 73). Из этих слов мы должны понимать, что Филолай не является автором данного произведения, а это всего лишь публикация истинных пифагорейских рукописей. Вроде бы такое мнение подкрепляется свидетельством Евсевия, говорившим о Филолае, как о человеке, «предавшем письму учение Пифагора». Безусловно, Платон знал о Пифагоре, о пифагорейском союзе и о пифагорейских книгах. Он трижды побывал на Сицилии, даже, со слов Диогена Лаэртского, встречался в Италии с Филолаем, но это очень неубедительно, ибо Филолай тогда встречался и с Пифагором и с Платоном одновременно, разделенными целым столетием. Сам Диоген Лаэртский противоречит самому себе, говоря, что Платон приобрел книгу Филолая не у него лично, а то ли у его родственников, то ли у одного из учеников Филолая, то ли эта книга была приобретена у самого пифагорейца, но не лично Платоном, а по поручению философа Диона.

О пифагорейцах хорошо были осведомлены уроженец Локр Тимей и другой участник диалогов сиракузский адмирал Гермократ. Тимей из Локр Эпизефирских в Италии (род. в 490 г. до н. э.) — знаменитый пифагореец, философ и общественный деятель, современник Эмпедокла, Зенона Элейского, Анаксагора и Филолая.

Мы видим, что в орбиту вашего расследования странным образом притягиваются города и люди, так или иначе причастные к тайне Атлантиды. Нам теперь неважно знать, как использовал Платон материалы Филолая, нам необходимо определить: *были ли в пифагорейских источниках сведения об Атлантиде, в каком объеме и какие именно?* Ничего об этом не говорит и древняя традиция. Но такие звания могли быть тайными, скрытыми, зашифрованными символическими, аллегорическими или иными оборотами (знаками), непонятными для непосвященных. Они могли быть рассыпаны в виде намеков, догадок, предположений, гипотез, никак не обозначая и не называя таинственную землю за Океаном—Атлантидой.

Вопрос о подлинности диалогов «Тимей» и «Критий» в настоящее время как будто снят. Платон сделал то, что сейчас делают практически все ученые, философы, писатели, исследователи, т.е. большинство лиц умственного труда, садясь за письменный стол и приступая к творческой работе. Данная категория людей просто-напросто обкладывается со всех сторон нужной литературой (особенно, в библиотеках) и выискивает в ней все то, что необходимо для конкретного произведения. Конечно, если дело не касается прямого

плагиата. По правде сказать, античность не знала авторского права, но понятие литературной собственности существовало. Аристофан не раз упрекал своих соперников в плагиате, что не мешало ему самому пользоваться мотивами предшественников и современников—Кратина, Эвполида и других. Филострат из Александрии обвинял Софокла в заимствованиях из трагедий Эсхила точно так же, как самого Эсхила в заимствованиях у Фриниха.

Платон мог переработать пифагорейские книги в свете своих воззрений, в том числе атлантологических, что-то переделать, переписывая какие-то куски, выделяя красивые звучные цитаты. Русский переводчик Платона В. Н. Карпов (1798-1867) тонко подметил: «Но если Платон и пользовался чужими мыслями, то пользовался как гений, который, собирая материалы, дает им собственную форму и творит новое, оригинальное, неподражаемое» (14, с. 111-112).

Можно указать несколько точек соприкосновения Платона с пифагореизмом: 1) устная традиция о Пифагоре, бытовавшая и в Афинах и в Великой Греции, где Платон неоднократно бывал; 2) сочинения ранних пифагорейцев, по крайней мере, те, которые были еще доступны Аристотелю и его ученикам; 3) книга Филолая, которую Платон, без сомнения, хорошо знал; 4) Феодор из Кирены, ровесник Филолая, у которого Платон учился математике; 5) ученики Филолая – о знакомстве с ними говорит как сам Платон в «Федоне», так и Аристоксен; 6) Архит, о дружбе с которым Платон пишет в седьмом письме; 7) ученики Архита и Феодора, например, Евдокс и Теэтет (42, с. 152).

Филолай был выдающимся философом, математиком, астрономом. В области математики он исследовал ряд натуральных вещественных чисел. Он понимал число как вещь, растягивая это понятие в геометрическом пространстве. В древности число воспринималось, как совокупность определенных чувственно-воспринимаемых единиц-предметов. «Надо знать, – писал Ямвлих, – в древности люди обозначали величины чисел естественно, а не так, как мы теперь, символически». Было представление о трех баранах и трех собаках, но не было еще представления о трех как таковых (41, с. 76). Особую роль Филолай выделял декаде. Десятка представляла собой начало предела, одно из двух начал, из гармонии которых получается весь космос. У Посейдона и Клейто было пять пар сыновей-близнецов, соответственно чему владыка морей разделил весь остров Атлантиду на 10 уделов (удельных земель-царств). На что Жиров говорит: «Число их и указание на то, что все они были близнецами мужского пола, имеет, несомненно, какой-то символический смысл, значение, которого пока еще не установлено» (45, с. 30). Но почему же не установлено? Рыбин справедливо замечает: «Десятка представлялась пифагорейцам как «нечто совершенное и охватывающее всю природу чисел. Другие пифагорейцы утверждают, что имеется десять начал, расположенных попарно». Это «совершеннейшее» число составляется из «четверицы»: четырех первых целых чисел (1+2+3+4). Комбинация чисел «четверицы» дает октаву (соотношение числа колебаний 2:1), квинту (3:2) и кварту (4:3)—в совокупности «Гармонию мира», по мнению пифагорейцев». Перечисляя мнения Аристотеля и Секста Эмпирика, тот же Рыбин заканчивает параграф неопределенным выводом: «...влияние пифагорейцев на легенду об Атлантиде вполне естественно, а Египет и Солон никакого отношения к ней не имеют» (14, с.158, 161). К сожалению, он не приводит никаких данных об этом влиянии. Но и отвергать поездку Солона в Египет (да и самого Платона тоже—А. В.) и услышанное им (т. е. Солоном) там предание об Атлантиде нет оснований. По сути дела, на данном сообщении Солона и построено повествование о царстве атлантов.

Мы считаем, что, по крайней мере, было два источника сведений об Атлантиде: *пифагорейский (тайный) и египетский (явный)*. Второй источник стал доступным всем и дошел до нашего времени; первый же, так и остался не выявленным, скрытым в дебрях времени и в сложной мифо-космологической системе пифагорейцев.

Жиров, например, (45, с. 35, 38, 61, 69) говорит только о пифагорейской мистике чисел, не раскрывая ее связи с Атлантидой. Зайдлер же (1, с. 199-211) сводит все к числовой мистике египетских пирамид и поразительному сходству календарей египтян и майя, «рецепты» которых были переданы этим народам колонистами из Атлантиды.

Что же полезного мы можем заимствовать из Филолая? Прежде всего, его космологическую систему. Пифагорейцы, в том числе, Филолай, первыми поставили под сомнение общепринятое в то время представление о вращающейся прозрачной сфере, в которую вкраплены звезды. Они считали, что наблюдаемое суточное движение звезд есть следствие неощущаемого нами движения самой земли по окружности, но в противоположном направлении. Для этого Филолай поместил в центре этой окружности Центральный огонь – Гестию, к которому Земля, при своем движении всегда повернута одним и тем же полушарием, как Луна к Земле. Предполагалось, что Греция находится на неосвещенной части. Согласно античной мифологии, Гестия – богиня домашнего очага, дочь Крона и Реи, сестра Зевса, Посейдона, Аида, Геры и Деметры. Гестия представляла собой как бы очаг Космоса, Филолай назвал его даже «домом Зевса», матерью и алтарем богов, связью и мерою природы» (Стобей, II, 7,7). Из этого центра возникла вся вселенная. Она напоминает собой огненную сферу: «и еще другой огонь принимает он, – пишет Азций, – огонь, лежащий выше всего и объемлющий вселенную». Весь остальной мир помещается внутри такой сферы. Что же находится там? Вокруг Гестии «пляшут в хороводе десять божественных тел»: Земля, Луна, Солнце, пять планет древности: Венера, Марс, Юпитер, Сатурн и сфера неподвижных звезд. Но Филолай вводит еще одну планету Антихтон, которую он помещает между центральным огнем и Землей. Антихтон защищал Землю от сильнейшего жара Гестии. Зачем Филолаю надо было придумывать Противоземлю? На этот счет существует несколько версий. Если он обожествлял декаду (десятку), то у него получилось 9 небесных тел, если не считать центрального огня. Поэтому он якобы и придумал Антихтон для ровного счета. Но Филолай мог засчитать и Гестию, тогда бы вышло 10 без Противоземли. Если он не хотел считать центральный огонь то мог посчитать отдельно неподвижные звезды за один объект, а огненную сферу (Олимп) за другой. Тем более, что эти огненные сферы отличались друг от друга (41, 81-82). Исторические же исследования дают основание думать, что противоземлей считалось *противоположное полушарие Земли, не известное грекам* (46, с. 81). Чанышев утверждает, что Антихтон необитаем, но это, видимо, не совсем верно. Можно привести свидетельство Плутарха о жителях обеих Земель, которые не видят друг друга (46, с. 84).

Что же представляла из себя Гестия? Один исследователь, например, говорит, что «Дом – огонь, центр – понятия, вокруг которых строится образное содержание мифологемы Гестия. Например, Дельфы – «Гестия» Эллады. Это так и потому, что Дельфы – «пуп» земли и потому, что в Дельфах горит священный огонь, и потому, что здесь – религиозный центр Греции, ее «дом» (47, с. 25). И даже, скорее всего, Гестия – метафизический центр не только Вселенной (48, с. 41), но и центр того самого противоположного материка, о котором оговорился Платон. Неважно, что понимать под таким материком: Америку или обширные массивы других частей Атлантиды (колоний), не уничтоженных еще страшной катастрофой, главное, что Гестия называлась «Матерью богов», «твердыней Зевса», это и алтарь и очаг Вселенной, *откуда испускается флюидный духовный огонь мудрецов острова Посейдонис*.

Сам Филолай говорит о Гестии так: «Первое слаженное (гармонически устроенное) единое, находящееся в центре (мировой) сферы». Рожанский указывает, что сложная космологическая система Филолая не могла быть очень древней. Здесь, однако, возникает вопрос: всегда ли такая идея сочеталась с идеей вращения Земли вокруг центрального огня? Имеющиеся данные позволяют считать, что филолаевской системе мира предшествовала другая, более примитивная геоцентрическая система. Об этом пишет Симпликий: «Таково аристотелевское изложение точки зрения пифагорейцев. Однако

истинные приверженцы этой школы разумеют под центральным огнем *творческую силу, из центра проникающую всю Землю и согревающую ее охладившуюся часть*». Таким образом, «истинные пифагорейцы», не принявшие систему Филолая, все же признавали центральный огонь, который помещался у них в сердцевине Земли. Намеки на такую систему можно обнаружить в учениях философов Западной Греции Парменида и Эмпедокла, которые имели возможность непосредственно общаться с пифагорейцами (49, с. 242-244).

Гестия представлялась также истоком, а исток есть истина метафизической жизни в Древней Греции (48, с. 41). Прекрасно о филолаевом учении сказал Гомперц: «Как молящиеся окружают алтарь, так кружат светила вокруг святого источника всяческой жизни и всяческого движения. И как огонь очага является божественно чтимым средоточием человеческого жилища, как пылающее, неугасимое пламя на городском очаге в пританеуме почитается освященным центром всякой греческой общины,—так мировой очаг служит святым средоточием вселенной или космоса. Отсюда лучится свет и тепло, отсюда солнце почерпает свой жар, который оно затем передает *обеим землям* и луне на подобие того, как мать невесты на свадебном обряде зажигает огонь для нового очага от родительского очага, или вновь основывающаяся колония уносит с собою огонь из родного города. Таким образом, при этом миропостижении вселенная, окруженная огненным кругом горнего Олимпа, как некой стеной, являлась одновременно и верным кровом, святилищем, и созданием искусства. Другим векам не пришлось уже больше видеть столь же величественную и столь утешительную картину мира». Примечательно, что огни новых очагов возжигались именно таким факелом в виду однородных обычаев при основании колоний (50, с. 103, 450). Не атланты ли несли народам обоих полушарий горящий факел знаний и духовной мудрости, зажженный в древней метрополии? Скорее всего, *та раннепифагорейская «творческая сила» и была тем духовным огнем гибнущей Атлантиды*. Недаром, Платон поставил в центре Вселенной вместо Гестии—Душу Космоса, придав последней гестиальные качества. «Народы всей земли,—писал Брюсов,—как к средоточию и источнику знаний и власти, обращались к Атлантиде. Оттуда разливался по всей земле свет науки, откровения религии, начатки художества». Таким образом, Атлантидская Гестия является не только истоком человеческой Вселенной, но и истоком первых мировых цивилизаций: «Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может правдоподобно объяснить замечательные аналогии между ними. Должно искать за пределами «ранней древности» некоторый «икс», еще неизвестный науке культурный мир который первый дал толчок к развитию всех известных нам цивилизаций» (51, с. 390, 433).

При ближайшем рассмотрении можно увидеть *аналогию между космологическим построением Филолая и планом акрополя столицы Атлантиды*. У Филолая внутри вселенной центральный огонь – Гестия, у Платона – храм Посейдона и царский дворец. Вокруг Гестии – по орбите обращается Антихтон, у Платона соответственно орихалковая стена вокруг храмовых построек, у Филолая за Антихтоном следует орбита Земли, Луны, Солнца и 5 планет, у Платона – первый земляной вал, у Филолая за планетами идет сфера неподвижных звезд, у Платона – второй внешний вал, у Филолая – огненная сфера (Олимп), у Платона – большая наружная стена внешнего города.

Вселенная возникла из огня и она же погибнет в огне. Филолай говорит: «Гибель космоса бывает двоякой, в одних случаях – от того, что с неба хлынет огонь, в других – от лунной воды, которая выливается в результате переворачивания светила. И их испарения служат пищей космоса» (52, с. 439). Разве это не напоминает *гибель Атлантиды от падения гигантского астероида или лунной гравитации тогдашнего спутника Земли*, которая вызвала чудовищный подъем океанских вод, вспучивание земной коры и «прилив» раскаленной магмы внутри нашей планеты (16, с. 221-228).

Может быть, это и есть мифологическая память о падении Фэтона в реку Эридан? Но, что за странные испарения, которые служат пищей космосу? Испарение – это, когда какое-нибудь вещество переходит из одного физического состояния в другое. Самое простое: вода превращается в пар. Но здесь все тот же эзотерический подтекст: *культура атлантов трансформировалась в мировую культуру*, ибо космос издавна напоминал греческий город-полис с центральной частью (агорой), на которой обычно находился алтарь Гестии, покровительницы города. В допифагоровскую эпоху «космос» означал не «мир», «вселенная», а «порядок». Слово это сначала относилось к военному строю, затем только к государственному и, наконец, к мировому, вселенскому. Развитие идей космоса шло в тесной связи с утверждением формы греческого города-государства. Таким образом, космос представлял собой не что иное, как полис в космическом масштабе.

Древние, безусловно, имели представление о катастрофах, космотрясениях, о различных родах переворотах в природе, переворачиваний светил, например. Еще философы милетской школы пришли к мысли о движении верхних частей земного шара. Анаксимандр за 200 лет до Платона указывал на существование нисходящих движений коры. О влиянии различных землетрясений в Средиземноморье на Платонову Атлантиду сказано много. Рыбин по этому поводу замечает: «Поэтому погружение перемычки полуострова Аталанта на берегу залива Аталандис или отрыв от материка могло сложиться в детской памяти Платона в представление о гибели огромного острова Атлантида в Атлантическом океане, как оно и было передано Платоном в своих диалогах. Правда, Эвбея, остров Аталанта, залив Аталандис находятся к востоку от материковой Греции и не имеют никакого отношения к западу. Но поскольку, у Платона много общего с Гомером, то не заимствовал ли Платон у Гомера переплетение восточных и западных мотивов» (14, с.52-53). Все же мы не согласны с Рыбиным, речь идет не о простом заимствовании Платоном катастрофических реалий, а о древнейшем однокорневом топониме, который, как раз, накрепко связан с материковой Грецией в образе Атланта, жившего в Счастливой Аркадии.

Как ни странно, многие из пифагорейцев жили или были родом из Сицилии. Древняя Тринакрия издавна была для греков сказочной страной циклопов и лестригонов. На Сицилии лежит печать культурной самобытности, утонченности, изысканности, здесь перекрещиваются всевозможные идейные направления, сплавляясь и взаимопроникая друг в друга, они образовали синкретичную картину мира. Сицилия сама стала истоком для своей оторвавшейся метрополии, поэтому различного рода изгнанники находят в этой стране дерзновенную свободу, интерес к испытанию природы и собственного духа. Так, Сицилия и Южная Италия стали Великой Грецией. Нам важно знать, какое было здесь отношение к мифам? Некоторые исследователи считают, что в данном регионе находился центр локализации греческих мифов. В отличие от ионийского Востока, мифология на греческом Западе не обмирщается, а, наоборот, сакрализуется, превращается в мистику.

Именно в Южной Италии Филолай создает более чем странную мифологическую систему. Он математизировал и геометризировал греческую мифологию. У пифагорейцев углы треугольника принадлежали Аиду, Дионису и Аресу, углы четырехугольника – Рее, Афродите, Деметре, Гестии и Гере. Треугольник, например, приписывали Афине, четырехугольник – Гермесу, полукруги – Диоскурам. Геометризация материальных стихий была развита Платоном в «Тимее». Космические стихии древние связывали с «пятью фигурами». В математике известны только пять правильных выпуклых многогранников. Доказательство того, что их больше пяти быть не может, содержится в «Началах» Эвклида, причем автором этого доказательства считается Теэтет. Каждая фигура соответствовала своим стихиям: тетраэдр – огонь, октаэдр – воздух, икосаэдр – вода, куб – земля, додекаэдр – эфир (или модель Платоновской Вселенной). Некоторые

элементы могли переходить друг в друга. Преобразование одних многогранников в другие могли быть осуществлены путем перестройки их внутренней структуры. Отсюда вытекает, что в качестве элементарных структурных единиц мира вещей Платон взял равносторонние треугольники и квадраты, выбранных им в качестве мельчайших частиц четырех элементов. Дело в том, что древние знали только четыре мировых элемента: огонь, воздух, вода, земля. Пятый многоугольник, тем самым, остается не у дел. Поэтому Платон ограничивается в «Тимее» замечанием, что «его бог определил для Вселенной и прибегнул к нему, когда разрисовывал ее и украшал». Именно в «Тимее» неожиданно появляются идеи, нашедшие развитие в ряде областей науки, о которых античность не имела ни малейшего представления: в атомной физике, молекулярной химии, теории элементарных частиц, теории фазовых превращений. В качестве любопытного совпадения укажем на то, что у кварков имеются некоторые черты, в чем-то сближающие их с платоновскими элементарными треугольниками (53, с. 157-160). Интересно то, что Платон не говорит о своих предшественниках. Но ими могли быть только пифагорейцы. О них говорит Аристотель, не называя, однако, имен, он останавливается на учении, согласно которому огонь – есть первоначало всех вещей. Некоторые сторонники этого учения, замечает Аристотель, полагали, что огонь состоит из мельчайших частичек, имеющих форму пирамиды (т.е. тетраэдра) («О небе», III, 5, 304а, 10-18). Примечательно, что во многих частях планеты еще со времен неолита наблюдается повсеместное распространение изображений равностороннего треугольника. Иногда они разделены на 4 или 9 равных треугольника. Оказалось, что вся поверхность земного глобуса может быть покрыта без остатка двадцатью точно такими же равносторонними треугольниками. В узлах системы (вершины, середины сторон и центры треугольников) оказались почти все известные очаги древних культур и цивилизаций. Толчком к таким исследованиям послужили сообщения археологов о так называемых «странных предметах» в форме додекаэдра непонятного назначения. Они датируются IV в. н. э. и найдены во Вьетнаме и в Альпах. В центрах граней предметов – отверстия, а в вершинах сферические выпуклости. При соединении треугольников построенной системы получается такой же додекаэдр – правильный 12-гранник с пятиугольными гранями. Возникло предположение, что «странный предмет» - модель силовой системы (с различными функциями в вершинах и центрах граней), вместе с икосаэдром составляющая силовой каркас Земли.

Оказалось, что Русская Сибирская, Африканская древние геологические платформы, Канадская и Гренландская части Северо-Американской платформы, а также все три части Антарктической платформы (разделенные понижениями) территориально совпадают с треугольными гранями икосаэдра, а разделяющие платформы геосинклинальные области (подвижные пояса земной коры) идут вдоль ребер между ними. Срединно-океанические хребты и глубинные разломы земной коры тянутся, как правило, вдоль или параллельно ребрам системы, например, большая часть Срединно-Атлантического океана. К ребрам и узлам системы привязаны сейсмическая и вулканическая активность планеты, аномалии магнитного поля Земли, залежи полезных ископаемых и т. д. В западной вершине первого построенного на глобусе треугольника располагалась берберо-туарегская цивилизация Северной Африки с древними галереями наскальных рисунков. В серединах сторон этого треугольника оказались древнеегипетская, кельто-иберская и Великая Обская культуры. В центре треугольника – очаг земледельческой культуры Древней Европы – Трипольской. Позднее здесь образовался центр славянского общества – Киев. В Северной и Южной Атлантике нужных нам узлов, соответствующих предполагаемому расположению Атлантиды, *насчитывается одиннадцать!* (54). Для исследования более предпочтительны *четыре узла*: 1) лежащий на равноудаленном расстоянии от Северной Америки и Африки, примерно на 30° с. ш. – 50° з. д.; 2) лежащий к юго-востоку от

Малых Антильских островов, напротив Гвианы, примерно на 5° с. ш. и 55° з. д.; 3) в районе острова Сан-Паулу; 4) к востоку о острова Вознесения 8° ю. ш. и 8° з. д.

Хотя это исследование было опубликовано в 1981 году, оно нашло неожиданное и оригинальное подтверждение только в 1997 году. Один из зачинателей сравнительной планетологии Геннадий Кочемасов в 1997 году обнаружил, что любое космическое тело, реагируя на периодические колебания энергии, деформируется-искажается, а на его поверхности образуются литосферные или гравитационные волны. Эти волны стоячие, стационарные, они наблюдаются из Космоса в виде сетки, образующей планетарные кольца. Поначалу такие волны считались литосферными, но, так как они проявляются и в биосфере, и в антропосфере, группа ученых назвала их планетарными. Волны проявляются также в четырех пересекающихся – ортогональных и диагональных – направлениях. Сложив гравитационные волны восточного полушария, мы получим четыре основных сектора: два разноподнятых—Африканско-Средиземноморский, Азиатский (с «плюсом»— поднятие) и два разноопущенных—Евразийский, Индокитайский (с «минусом» – опускание), которые, в свою очередь, по биссектрисе делятся на подсекторы. Все эти линии пересекаются в горной области Памира-Гиндукуша. Если через Памиро-Гиндукушский узел и центр Земли провести прямую, то мы получим классическую антиподальную точку – остров Пасхи! Между центрами этих секторных структур – с шагом в 90° градусов – еще два таких же центра: Атлантический (остров Сан-Паулу) и Ново-Гвинейский (остров Новая Гвинея). Если через эти центры провести тектонические биссектрисы, которые делят каждый сектор пополам, на таких линиях будут располагаться очаги древнейших культур и цивилизаций. Что примечательно, на одной из таких тектонических линий расположены все древнейшие цивилизации, владевшие письменностью. Одна из таких точек проходит через *остров Сан-Паулу, где, по мнению Кочемасова и находилась легендарная Атлантида!* Именно в районе Сан-Паулу обнаружены голоценовые подвижки планетарной коры, произошедшие после завершения ледниковой эпохи – в течение последних 12 000 лет. Здесь выявлены резкие подъемы и опускания бывшей суши, а также недавно опущенные литосферные блоки, которые не покрыты морскими осадками. На дне обнаружены континентальные породы: граниты, углистые сланцы, а также признаки выветривания поверхности суши! И так, на дне океана находятся куски суши. При этом, оговаривается Кочемасов, катастрофические подвижки, которые могли привести к исчезновению – гибели суши относятся к различным геологическим временам, включая и голоцен. Таким образом, научные исследования группы московских ученых в настоящее время подтверждаются *последними экспедициями отечественных океанологов и геологов, а также выводами итальянских ученых.* Мы знаем, что описание рельефа Атлантиды удивительным образом напоминает строение вулканической кальдеры, обычно представляющей собой кольцо вулканических гор, ограничивающих остров от моря.

В районе Сан-Паулу были *зафиксированы такие же дугообразные концентрические поднятия и подводные долины диаметром в сотни километров!* (55). Из всего сказанного можно сделать определенный вывод. Пифагорейцы, безусловно, знали о треугольном сечении нашей планеты, о противолежащей Земле, откуда из священного, сакрального центра истекает некая «творческая сила», которая могла быть тем духовным светом, шедшим из Атлантиды.

4. ГЕЛОН СИРАКУЗСКИЙ

Издревле Сицилия, по свидетельству, Геродота, называлась Страной красивого берега. Самые ранние путешественники слышали столько чудесного об этой сказочной стране, воображая, что они попали в какой-то нереальный волшебный мир. Самым

древним доказательством таких посещений служит то, что берега Тирренского моря были избраны местом действия для сказания об Одиссее. Тирренские сказания встречаются в одной из позднейших частей Гесиодовской Теогонии, у Эфора (IV в. до н. э.), у Псевдо-Скилака, автора «Перипла Внутреннего моря» (IV в. до н. э.). Первый из этих источников принадлежит к тому времени, когда Италия еще считалась греками за группу островов, и, стало быть, бесспорно, очень древен. Так, Липарские острова были названы Эоловыми, Лакинский мыс был принят за остров Калипсо, Мизенский—за остров Сирен, а близ Каеты и Формии водились лестригоны. Мифографы утверждают, что оба сына Одиссея и Цирцеи – Агрий и Латин владычествовали над тирренцами «в самом сокровенном уголке священных островов» (56, с. 132-133).

Многие атлантологи, в том числе и наш соотечественник А.С. Норов, именно здесь, в центре Средиземноморья помещали Атлантиду или ее колонии (57, 58). Притяжение Атлантиды, например, к Сицилии просто поразительно, приведем лишь два любопытных эпизода. Гераклид Понтийский (390-310 гг. до н. э.) ученик Платона, платоник, но близкий к пифагорейцам, утверждал, что к тирану Сиракуз Гелону прибыл какой-то таинственный *маг, объехавший, как он говорит, кругом всю Ливию* (Страбон). Дж. Томсон описывает одну их утопий, где указанный *Платоном ландшафт напоминает окрестности Бата (Англия), о которых рассказал какой-то кельт, прибывший в Сицилию на карфагенском корабле!* (34, с. 141). Обычно эти два случая не упоминаются атлантологами, но мы остановимся именно на них.

Греко-персидские войны оказали непосредственное влияние не только на собственно Грецию, но и на Великую Грецию, и на Сицилию, где возникло самостоятельное государство—Сицилийская держава с центром в городе Сиракузах. В Сицилии власть основывалась на демократии, чередовавшейся с тиранией. Из всех сицилийских тиранов наибольшей популярностью в 5 веке до н. э. пользовались сиракузские тираны Гелон и его брат Гиерон I (478-467 г. до н. э.). В 480 г. до н. э. Гелон одержал крупную победу при Гимере над карфагенянами, стремившимися к гегемонии в водах западной части Средиземного моря. Победа над Карфагеном дала тирану огромную контрибуцию в 2000 тысячи талантов, множество рабов и богатую добычу. Нас интересует личность Гелона, точнее *его происхождение*. Лучше всего об этом говорит Геродот: «Предок этого Гелона, который переселился в Гелу, происходил с острова Телоса, что лежит против мыса Триопия. Он участвовал также в основании Гелы линдянами с Родоса и Антифемом. *Потомки его впоследствии стали наследственными иерофантами подземных богинь*. Они занимали эту должность постоянно, с тех пор как один из их предков – Телин приобрел ее вот каким образом. В Макторий, город, лежащий к северу от Гелы, бежали потерпевшие поражение повстанцы из Гелы. Этих-то изгнанников Телину удалось вернуть из изгнания в Гелу без помощи военной силы, взяв с собой лишь *святыни подземных богинь*. Как он раздобыл эти святыни, и сам ли впервые ввел почитание этих богинь – этого я не могу сказать. Во всяком случае, под покровительством этих святынь Телин возвратил изгнанников с условием, что *его потомки будут иерофантами богинь*. Впрочем, мне кажется странным, как именно такой человек мог совершить столь великое дело. Ведь такие подвиги, я думаю, не всякому дано совершить, так как они требуют отваги и решительности. Телин же, по сицилийскому преданию, напротив, был женоподобный и весьма изнеженный человек. Тем не менее, он получил эту жреческую должность» (Герод., VII, 153).

Подземные богини – это Деметра и Персефона, а иерофанты этих богинь – являются ее верховными жрецами. Прежде чем, комментировать слова Геродота, необходимо рассмотреть определенные вехи в истории и жизни обеих богинь.

Деметра, дочь Кроноса и Реи, сестра Зевса, от которого она родила Персефону. Древнее хтоническое происхождение Деметры засвидетельствовано ее именем (буквально:

«земля – мать»). Богиня научила людей пахоте и посеву, сочетавшись в священном браке на трижды вспаханном поле острова Крит с критским богом земледелия Иасионом.

Главный миф о Деметре – связан со сказанием о похищении ее дочери Персефоны богом подземного мира Аидом. Убитая горем, Деметра покинула Олимп и стала странствовать по земле в поисках своей дочери. В конце концов, богиня приходит в город Элевсин. Там она воспитывает царского сына Демофонта, пытаясь сделать его бессмертным. На земле наступает голод, гибнут люди, и Зевс приказывает вернуть Персефону матери. Однако Аид дает своей супруге Персефоне вкусить *гранатовое зернышко*, чтобы она не забывала царство Смерти. Две трети дочь проводит с Деметрой, вся природа расцветает, плодоносит, ликует, одну треть года Персефона посвящает Аиду. В Элевсине, таким образом, проходили Элевсинские мистерии, символически представлявшие горе Деметры, ее странствия в поисках дочери, тайную связь между живым и мертвым миром, физическое и духовное очищение. Некоторые мифы считали *Деметру женой Посейдона*. Деметре и Персефоне посвящались многочисленные празднества в различных местах Греции – Тесмофории (в Аттике), Антесфории на острове Сицилия. В Риме культ Деметры слился с культом итальянского божества Цереры. Позднее поклонение Церере смешивается с почитанием Геи и Реи-Кибелы.

Персефона, Кора («девушка», «дева») – супруга Аида. *Она мудро правит царством мертвых, куда время от времени проникают герои: Пирифой, Тесей, Орфей и Эвридика, Геракл, Одиссей, Эней*. Очень примечательно, что Персефона как бы против собственной воли царствует в Аиде, но вместе с тем чувствует там себя вполне законной и мудрой правительницей (59, с. 306). Деметра и Персефона рассматривались как основательницы и законодательницы оседлой жизни, неразрывно связанной с земледелием.

У нас есть все основания заявить – *миф о Деметре и Персефоне является отраженным сказанием об Атлантиде*.

Несомненно, ни один из греков не сообщил так много сведений об Элевсинских мистериях и ни один философ не использовал так широко их образы для выражения собственных идей, как Платон. Его ученик Аристотель в особом трактате о мистериях мог затмить своего учителя, но рукопись Стагирита была, к сожалению, утрачена в средневековой Византии. Тринадцать из сорока произведений Платона дают возможность познакомиться с Элевсиниями, аллюзии же обнаруживаются почти во всех сорока. Мы не располагаем прямыми свидетельствами того, что философ принимал посвящение в Элевсине. Однако в 7 письме (нами цитированном), говоря об убийцах своего друга Диона, который очень недолгое время правил в Сиракузах, он пишет, что с Дионом этих людей связывали не общие занятия философией, а узы обычного приятельства, возникающие *из совместных посвящений в Элевсинские мистерии*. Таким образом, Дион и его убийцы принадлежали к обоим сообществам (60, с.12-13).

Еще, более глубокую связь Элевсинских мистерий с Атлантидой обнаружил Мережковский. Летопись «Паросского мрамора» относит первое явление, «пришествие» Матери Земли Деметры с Крита в Элладу к 1408 году до н. э. Наше летоисчисление начинается с рождения Сына, «лета Господня», а у доисторических греков – с рождения Матери. 1408 год – «пришествие» Матери, а 1450-й – гибель Кносса. Крит, как бы завещает, умирая, свою богиню Мать Хеттее. Царство Матери и есть царство «амазонок». Со слов Диодора амазонки вышли из Северной Африки, где до настоящего времени существует матриархат и женщины-воины у берберов, дагомейцев и туарегов. Жившие у озера Тритониса ливийские амазонки, изгнанные оттуда великим землетрясением – может быть, концом Атлантиды, – бежали, под предводительством царицы Мирины, на острова Эгейского моря, завоевали и населили их, – передает Диодор свидетельство историка Дионисия Скитобрахиона (550 г. до н. э.). Итак, *первая мать* (по мысли Мережковского), *Атлантида*, погребена на дне океана, а *вторая мать, Деметра*, сама

неутешная, бродит по миру, плачет о своем ребеночке». *Первая вежа* – Крит, *вторая* – Египет. «Таинства Деметры те же, что Иσιды, только имена различны», по Диодору, что подтверждается египетским изваянием Иσιды в древнейших слоях Элевсинских раскопок. *Третья вежа* – Северная Африка, Ливия. Тесмофориям (законодательным таинствам Деметры) научили пеласгийских жен, по Геродоту, дочери Даная», – те же амазонки, по Эсхилу, – чья родина Ливия, может быть, «атлантская колония», по Диодору. *Вежа четвертая* – берег Атлантики, где кельты-друиды поклонялись «деве, имеющей во чреве», может быть, родственной Брасемпуйской пещерной Исиде ледниковой древности. И, наконец, *пятая, последняя вежа* – Атлантида. «Житель Гипербореи, Абарис, певец, прилетавший на золотой стреле в Лакедемон, принес в него почитание Персефоны и воздвиг ей первое святилище», – сообщает Павсаний. Критскую мечту Дедала Механика о человеческих крыльях напоминает эта золотая стрела Абариса. Где же находится Гиперборея? «В Атлантике, против земли кельтов», – говорит Гекатей в 4 веке до н. э. Вспомним глухой, едва ли тоже не Элевсинский намек Павсания: «Деметра есть Европа». По Гезихию, Европа – значит «*Страна Заката*», «*Сумеречная*», «*Темная*», skoteine, а одно из имен Деметры – «Скорбящая», achea; та же скорбь в именах и «Атлантиды-Атласа» от корня tlaō, «терплю», страдаю». Важно также понимать, что для Мережковского Элевсинская тайна – не только языческая, прошлая, чужая, но и родная, будущая, христианская тайна Запада. Гибель Персефоны, согласно мифу, произошла в цветущей *Нисейской долине* (область Мегары на берегу Саронического залива). Но географы знают не только Мегарскую Нису, но и Индийскую, Карийскую, Беотийскую и Критскую. Мережковский считает, что Нисейские луга находились в Атлантике на крайнем Западе, где обитали спутницы Персефоны – океаниды, дочери Океана (Атласа), Атлантиде Золотого века, Земном Раю. Похититель Кору есть Аидоней, он же Вулкан, критский Вельхан, Посейдон Гомера, «Земли Колебатель», бог потоков и землетрясений, задвинувший город феакейцев «великой горой» и Атлантиду – великой бездной, – бог Океан-Атлас. Если так, то *гибель Персефоны есть гибель Атлантиды первого человечества*. (10, с. 284-306).

Если это так, то Гелон Сиракузский является *отдаленным потомком одного из могущественнейших жрецов гибнущей Атлантиды*. Один из его предков Телин происходил с острова Телоса, что лежит рядом с Родосом. Великая тайна содержится в имени Телин, это то же самое, что и *Тельхин!* По мифу, *Тельхины* – *морские демоны, спутники Посейдона, они вышли из моря на остров Родос*. Они обучали родосцев добыванию к обработке металлов, изготовлению статуй богов. Тельхинов было девять, и некоторые из них, сопровождающие Рею и младенца Зевса на Крит, получили имя Куретов. Один из атлантологов сообщает, что названия Тельхины, Атлантис и Атлас имеют общий корень – «тл». «Предполагая, что этот корень стал мягче из-за гласной, вставленной в слово «тельхины», не было бы более правильно именовать этот легендарный народ – *Тлхины?*» (61, с. 83-90). Примечательно то, что Тельхины выковали Посейдону трезубец и молнии для Зевса.

Но вернемся к Гераклидову магу. Очень сложно из одной строчки Страбона, в свою очередь заимствованной у Посидония, сделать какой-то ни было вывод, да еще в пользу Атлантиды. Скорее всего, мы можем нарисовать здесь психологический портрет отважного человека, решившегося на отчаянный, почти безумный поступок. Но не безумием ли было публиковать Платону само сказание об Атлантиде, тем самым стать посмешищем, объектом критики в глазах не только образованной Эллады, но и всего Варварского мира?

Мир знает поразительные примеры человеческого равнодушия, скептицизма, ревности, зависти, обвинений во лжи, а то и прямой ненависти в отношении тех Первопроходцев, деяния которых канули в Лету. Остались лишь имена, они, как яркие жемчужные звезды среди бесчисленного множества тусклых и слабых. Если о них и написана кем-то одна

единственная строка, то и она способна поднять из водной пучины даже затопленный и забытый всеми материк.

Что поражает нас в первом эпизоде? То, что именно к Гелону прибывает не просто путешественник или богатый торговец, но человек, *обладающий сверхъестественными способностями, состоящий членом замкнутой жреческой касты*. Скорее всего, это был персидский маг. Такие жрецы имели большое влияние в персидском государстве во времена правлений Кира и Ксеркса (486-465 гг. до н. э.). Сообщается, что маг обогнул Африканский континент и через Гибралтаровы Столбы приплыл в Сицилию. Если дело было так, то он совершил подвиг, равный подвигу Колумба, Бартоломео Дияша, Васко да Гамы Магеллана. Должно быть, на такое дерзкое решение его подвигло чрезвычайное обстоятельство, иначе оно не было бы зафиксировано в анналах мировой истории. Из эзотерического учения мы знаем, что на протяжении тысячелетий люди хранили тайные знания, и если последние подвергались опасности навсегда исчезнуть, то их переносили, перепрятывали, скрывали в другом, более безопасном месте. Но такое место должно быть не только безопасным, спокойным, но иметь мистериальное, сакральное значение. Именно там, по воле богов, должно возгореться пламя того культа, которому грозило полное уничтожение. Был ли культ Атлантиды на Востоке? Несомненно, был и об этом говорят эзотерические и атлантологические традиции.

Казалось, здесь явное противоречие. Атлантида могла находиться только за Гибралтаровыми Столбами в Атлантическом океане. Это есть альфа и омега всего Платонова предания, т. е. непререкаемая и необсуждаемая истина. Но это не так. Сам Платон, как бы оговариваясь, говорит о колониях, где правят братья Атланта, и о противоположащем таинственному материке. Большинство атлантологов сходятся на том, что это Америка. Америка ли? Эзотерическая традиция помещает Атлантиду в южных широтах Атлантического и Индийского океанов на месте нынешней Африки, протянувшейся от Индии до Тасмании (62, с. 277). Ибо очертания нынешних континентов выглядели девять тысяч лет назад (дата по Платону) и намного раньше совсем по-другому, чем даже во времена самого философа.

У самих эзотериков и оккультистов нет единого мнения. Нам важно установить, что культ лемурийцев или атлантов действительно мог находиться в древней Месопотамии (Индии). Священная книга древних персов «Авеста» содержит подробное описание потопа, напоминающие легенды Двуречья и Палестины. Прибытие в Месопотамию и Индию *людей-рыб*, говорящих человеческим голосом решительно говорит о правильности такого предположения.

Еще одно звено в цепи тонких ускользающих парадоксов. Все тот-же Элиан, обожаемый многими атлантологами за цитируемого Феопомпа с его Мидасом, Силеном и противоположащим материком. Но кто знает, что у него есть и другой сильнейший аргумент – видоизмененный вариант эпоса о *Гильгамеше!* (63, с. 264, 364). Но почему именно Элиан, уроженец той же Италии – Бывшей Великой Грецией, Бывшей Гесперией, Бывшей Страной Лестригонов и Циклопов, а может быть, бывшей Схерией-Атлантидой; почему Элиан, по прозвищу «сладкоречивый», «сладкогласный», а посему еще и жрец, софист, как утверждает Словарь Свида? (64, с.128). Но жрец какого культа, мы не знаем, сохранилось слишком мало сведений об этом человеке. Можно только догадываться, какого культа. Парадоксальная цепочка удивительных совпадений, не вымышленных, не измышленных, а исторически точных, фактически достоверных!

Таким образом, Сицилия становится на каком-то этапе послеатлантической катастрофы *главной хранильницей гестияльного очага культуры атлантов*, недвусмысленно намекает Геродот. Скорее всего, историк не знал всех подробностей этого культа, он не может сказать, как Телин раздобыл святыни, ему кажется «странным», что такой человек

«мог совершить столь великое дело». Не зная всей тайны, Геродот лишь слегка коснулся ее – «великое дело!».

На каком этапе? Чрезвычайно смелый поход (побег?) мага из Персии в Сицилию, к Гелону, потомку Телина, иерофанту подземных богинь Атлантиды, говорит только о том, что в тот момент священный очаг находился на острове, как и его святыни. С какого времени и как долго они были там, у нас нет ответа, хотя некоторые намеки дает нам политическая история всего Междуречья от древнего Шумера (Аккада) до Персидской державы.

Начиная с Гильгамеша и кончая Дарием I, взоры большинства правителей были обращены на Запад. Можно считать доказанным, что Гильгамеш—реальная историческая личность конца 3 тысячелетия н. э! (65, с. 111-113). Гильгамеш отправляется на Запад к Горе «бессмертного» (Горе «живого»). Шумерская песнь называется En-e kur-lu-ti-la-se (дословно «Жрец к горе человека (или «людей») жизни (т. е. бессмертного-ых). Здесь все тот же корень ti-la (ти-ла), может Ту-ла (знакомое для нас Туле – страна на севере?). Итак, Жрец Гильгамеш по пути *пересекает семь гор и достигает горы, где живут бессмертные люди*. В другом сказании, томимый страхом смерти, он направляет свой путь к своему предку Ут-напиштиму, который получил от богов дар бессмертия. Затем Гильгамеш *переплывает на корабле через «воды смерти» и вступает в обитель бессмертного Ут-напиштима*. Скорее всего, обитель вавилонского Ноя – есть шумерский Дильмун, *остаток Атлантиды*. Маурицио Тоси пишет: «Названия стран Мелухх, Маган и Дильмун обозначают территории, которые, по мнению шумеров, лежали на берегах Нижнего моря. В тексте Саргона эти страны впервые упомянуты вместе как части единого целого по географическим представлениям тех времен». У шумеров есть информация, по которой можно судить о том, в какой последовательности тонули горы Мелухх, Маган и Дильмун. «Во времена Саргона, около 2300 г. до н. э. корабли всех трех названных стран швартовались в его столице, во времена 3 династии Ура, 200 годами позже, упоминаются только плаванья в Маган, еще через 200 лет наш друг Эанасир ходил не дальше Дильмуна. После чего вообще ничего не слышно,— указывает Дж. Бибби.—А самое последнее упоминание—в официальном документе, датированном 11 годом правления царя Вавилонии Набонида (соответствует 544 г. до н. э.), где говорится о некоем «правителе Дильмуна». По-видимому, Мелухх утонул первым, затем Маган позже других пошел ко дну Дильмун» (66, с. 195-196).

Вслед за Гильгамешом, далеко на Запад проникает Саргон I Аккадский (2369-2314 гг. до н. э.). В надписях о деяниях этого царя есть любопытное указание, что он «прошел море Запада, был три года на Западе, покорил и объединил страну, поставив на Западе свои статуи, перевел по морю и суше пленных». Некоторые ученые считают, что Саргон побывал на Кипре, Крите, в Испании и даже в Америке (45, с. 25-26). Ассирийские, вавилонские, а затем и персидские правители силой оружия пробивают себе дорогу на Запад. Могли ли они стать наследниками «великой тайны»? В какой-то мере—да, цари, в особенности, жреческое окружение могли получить сведения о существовании скрытых допотопных знаний, но не в полном объеме. В одном из клинописных текстов правитель Ашшурбанапал (7 в. до н. э.) отмечал, что он любит читать тексты, «написанные в эпоху до потопа». Царь Ксисутрос, как пишет вавилонский историк и жрец Берос (3 в. до н. э.), в свое время был предупрежден о предстоящем потопе. Он повелел написать «историю начала, течения и завершения всех вещей и зарыть эту историю в городе солнца Сиппар. После потопа Ксисутрос и его спутники «открыли книги в Сиппаре, написали много новых книг, построили храмы и снова основали Вавилон» (67, с. 53). По нашему мнению, более всех к раскрытию такой тайны подошел царь Камбиз (529-523 гг. до н. э.). Из надписи египетского первосвященника храма богини Нейт в Саисе Уджагоррента, мы узнаем, что Камбиз после завоевания Египта продолжил политику Кира по отношению к поработанным странам. Царь восстановил храм богини Нейт в Саисе, принял

древнеегипетское имя и титул египетского фараона и даже был *посвящен в религиозные мистерии богини Нейт* (68, с. 541). По Жирову Нейт была и ливийской богиней, ее жрецу могли быть известны мифы, легенды и предания не только самого Египта, но и Ливии, т.е. фактически всей Северо-Западной Африки, вероятно, вплоть до берегов Атлантического океана, откуда, по легендам, шли экспансия и распространение ливийских племен (45, с. 22). Камбиз вторгся в пределы Египта в 525 г. до н. э. вскоре после смерти Амазиса, во времена которого появились первые сведения об Атлантиде.

Именно Кир Великий и Камбиз перенесли одну из столиц своей монархии в Пасаргады (Парсогард), там же находилась десятиэтажная гробница Кира. Несомненно, Пасаргады были священным центром персидской религии, но каким центром? Сенсационная расшифровка древнетибетской карты страны *Шамбалы* определенно указывает на то, что один из ее центров был в *Пасаргадах*! (69, с. 432-440). Странная цепочка замкнулась. Что-то еще тянуло персидских завоевателей на Запад, не только одни политические амбиции, хищнические интересы, что-то еще заставило воинов Камбиза погибнуть в песках Сахарской пустыни, дойдя до Оазиса, названного *островом Блаженных*. Что-то вынудило нашего мага совершить плавание вокруг Африки, выставя его в безумном, лживом плане. Безумным называли Камбиза, безумным ли? Может стоит говорить здесь о «священном безумии», не Платон ли сам был некогда *обуян богом* в «Тимее»? Обуять, значит обезуметь (заимствовано из старославянского языка (70, с. 227). Не много ли «освященного безумия» в нашем расследовании?

Что касается второго эпизода, то он сам говорит за себя. В «Книге Армага» (8 в. н. э.), «Книге бурой коровы» (12 в. н. э.), в «Книге Вторжения» (все они составлены на основе более древних источников) описываются последовательные волны пришельцев: немедов, формориев, фирболгов и, наконец, туатхов. Они говорили на похожих наречиях, поскольку все происходили с Атлантиды. Одни из них высаживались в юго-западной Ирландии, другие же заселяли западное побережье Англии. Многие атланты поселились в Уэльсе, а валлийский фольклор изобилует рассказами о «древнем царстве», которое сперва распалось на острова, а потом окончательно сгинуло в морской пучине. Книга «Миврианские древности Уэльса», выпущенная в 1870 году, но составленная на основе дохристианских источников, рассказывает о тех, кто спасся от страшного всемирного потопа и прибыл в здешние края на огромных быстроходных кораблях без парусов. Вотан или Один, последний великий *царь Атлантиды*, почитался вплоть до англосаксонских времен как бог, который, благодаря своей способности повелевать природными силами, был могучим воителем и побеждал страшных змеев. Позднее христианство преемником Вотана в роли змееборца-победителя сделало архангела Михаила. Повсюду имя Вотана старательно подменяли на имя Св. Михаила. Древняя, безупречная прямая силовая линия в доисторической Англии, изначально устроенная для улавливания энергии, а позднее служившая направлением змеиных шествий, была посвящена богу Вотану. Десять церквей или вершин, которые стоят вдоль этой древней дороги, находятся на месте более ранних капищ Вотана, а ныне все они носят имя Св. Михаила. Линия тянется на двести миль – от церкви Св. Михаила в Клифтон-Хэмпдене, мимо вершины Св. Михаила близ Гластонбери, до горы Св. Михаила близ Лэндз-Энда (71, с. 231-237).

На карте Гластонбери находится недалеко от Бата, чья местность напоминала ландшафт Атлантиды, описанный Платоном. Примечательно то, что такие сведения привез в Сицилию *кельт на карфагенском корабле*! Скорее всего, это произошло во времена расцвета Карфагена, построенном в 814 г. до н. э. А может быть и раньше (ок. 1000 г. до н. э.), когда финикийцы открыли Канарские острова и Мадейру. Возможно, впрочем, что и это открытие было сделано уже критянами, морские походы которых еще за 2000 лет до финикийцев простирались на всю западную часть Средиземного моря, вплоть до океана (72, с. 66). Видимо, кельт поведал жрецам средиземноморского острова историю

об отдаленной колонии атлантов, что позволяет нам говорить еще раз о Сицилии, *как о хранильнице гестиального очага, куда стекались все сведения об Атлантиде*. Там они фиксировались, систематизировались, а затем закреплялись в то, что мы называем тайным, скрытым знанием. Последнее подавалось непосвященным в виде простой народной мифологии, посвященным – *в мистериях*.

Наверняка простой кельт не мог доставить такую ценную информацию в Сицилию. Им мог быть *друид – член высшей касты жрецов у кельтских племен*. Пуассон отводит определенное место друидам в числе возможных преемников атлантов. И для этого есть веские основания. Римский писатель Тимаген (I в. до н. э.) сообщал, что одна треть галлов происходит от народов, прибывших с очень далеких островов, расположенных в Атлантическом океане. Жиров не отрицает, что сведения об Атлантиде Платон мог получить от пифагорейцев, если верна легенда о том, что Пифагор долгое время обучался у друидов, но, к нашему сожалению, атлантолог никак не раскрывает механизм такого рода воздействия (45, с. 61-62).

Таким образом, наше расследование вновь вернулось на круги своя—к пифагорейцам, в Великую Грецию, куда трижды ездил Платон, где убили его любимого ученика Диона, где трижды знаменитый философ подвергался смертельной опасности, не слишком ли велика цена *тайны* под названием Атлантида?

И еще, незаметный штрих на голубоватом разыскиваемом полотне. Как известно при дворе Гиерона находился великий поэт Греции Пиндар. Нас интересуют его первые три Олимпийские песни. Первая («Пелопс») посвящена Гиерону, вторая («Острова Блаженных») и третья («Геракл Гиперборейский») посвящены Ферону Акрагантскому, союзнику Гиерона, его дочь была замужем за Гелоном.

В александрийской традиции самая ранняя из од в честь Гиерона поставлена первой среди Олимпийских песен, так как прославляет величие Олимпийских Игр и первого их основателя—Пелопса. Самое знаменитое начало этой оды интриговало еще античных читателей: «Лучше всего на свете вода». Проще и вернее всего толковал его Аристотель: «обилие лучше скудости, потому что от него больше пользы, от того и сказано – «лучше всего на свете вода». Однако схолиасты напоминают и о философии Фалеса Милетского, учившего, что вещи происходят из воды, и о мифологии Гомера, в которой началом всего был *Океан*.

Песнь имеет отчетливый симметричный план с мифом посередине. Это миф о Тантале и Пелопсе, которые в нашей работе будут играть *главенствующую* роль. Согласно мифу, Тантал, пригласив олимпийских богов на пир, разрубил на части собственного сына Пелопса и предложил его мясо гостям. Боги отвергли нечестивую трапезу, только Деметра, опечаленная исчезновением дочери Персефоны, съела плечо ребенка. Боги приказали Гермесу оживить Пелопса, а вместо съеденного Деметрой плеча вставили *искусственное плечо* из слоновой кости. С тех пор *все потомки Пелопса – пелопиды – имели на левом плече белое пятно*. Пиндар предлагает здесь морализированный вариант мифа, заменяя котел, где варили Пелопса, купелью, в которой мойра Клото оmyвает новорожденного младенца, слоновую кость—природной белизной его плеча, прельстившей Посейдона, а казнь Тантала объясняет только его попыткой украсть бессмертие для смертных.

Вторая песнь написана в честь Ферона, он правил Акрагантом в 487-472 гг. После смерти Гелона (478 г.) его дочь вышла по завещанию за его брата Полизала, третий брат, Гиерон, изгнал Полизала, тот искал помощи у Ферона, грозила война, очень опасная для всего греческого господства в Сицилии, но в 476 году при посредничестве Симонида был заключен мир. Это совпало с олимпийскими победами Гиерона и Ферона на скачках в 476 году, что было сочтено завершением бед и добрым знаком будущего, символом этого и выступают в оде Пиндара Острова Блаженных. Гаспаров в своих комментариях пишет:

«Эта тема Островов Блаженных и метампсихоза—явный отголосок популярного в греческой Италии пифагорейства, в целом скорее чуждого Пиндару». Может быть, и чуждого поэту, но не его поэтической интуиции. Пиндар мог не знать *всей тайны*, но как «существо легкое, крылатое и священное», благодаря вдохновенному индуктивному познанию, иногда приподнимал завесу над тайнами, о которых еще не подозревали ученые и скептики. Лосев считает Пиндара чистейшим орфиком, у него можно найти подлинные истоки платоновского представления о загробном мире. По мифологии и там царствует Аид (Гадес) с Персефоной. Догомеровская и гомеровская топография Аида ясно указывает, что царство мертвых находилось на крайнем Западе, за рекой, омывающей Землю, где на асфodelевых лугах блуждают тени умерших («Од», X, 508; X, 537-570). Где-то в Аиде (или рядом с ним) есть место для праведников – Елисейские Поля (Элизиум) («Од», IV, 651-569). Гесиод и Пиндар называют их *островами Блаженных!*

В «Олимпийских одах» рисуется стройная концепция загробной судьбы душ. Преступления, совершенные на земле, наказуются в Аиде, а достойные люди проводят свой век «бесслезно» и «радуясь» «среди почтенных богов». Те же, кто испытал перевоплощение в обоих мирах, совершают путь на Острова Блаженных, где сияют золотые цветы, которыми увенчивают себя праведники после суда Радаманта. У Пиндара мы находим, таким образом, идею посмертного воздаяния, Острова Блаженных, суд Радаманта и круговорот душ.

В третьей песне описывается третий подвиг Геракла. По приказу царя Эврисфея герой должен был поймать Керинейскую лань. У лани, принадлежащей Артемиде, были золотые рога и медные копыта. Геракл преследовал ее целый год, дойдя *до земли гипербореев*, и поймал ее, ранив стрелой. Но что же представляла из себя Керинейская лань? Это была Тайгета, одна из плеяд, *дочь Атланта*. Артемиде обратила ее в лань, чтобы спасти от домогательств Зевса. Можно ли отождествить Гиперборею и Атлантиду? Сейчас мы не будем рассматривать данный вопрос. Обратимся к Пиндару, приведем его строки из 2-ой Олимпийской песни:

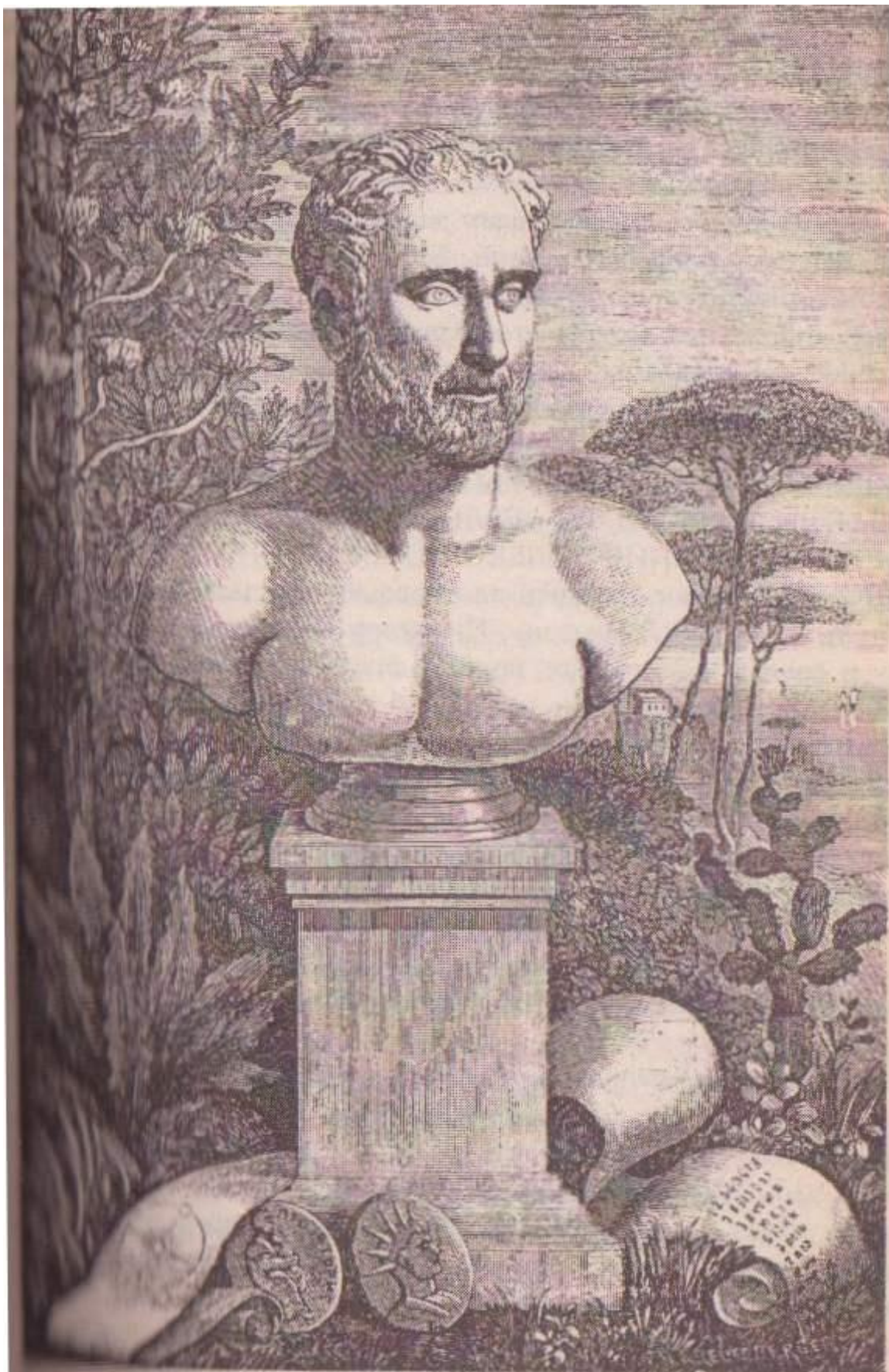
Много есть острых стрел
В колчане у моего локтя.
Понимающим ясны их речи—
А толпе нужны толкователи.
Мудрый знает многое отроду—
А кому потребно ученье,
Те, как вороны,
Оба каркают болтливо и праздно
Против божественной птицы Зевса.
Сердце мое, нацель же свой лук без промаха!
В кого мы уметим,
Спустив прославляющие стрелы с тетивы
милосердного духа?

Понимающие здесь – *посвященные в мистерии*. Лосев указывает, что Пиндар как бы обращается к посвященным и отделяет их от тех, кому неведомо тайное учение орфиков (73, с. 395-401; 74, с. 811).

Согласно традиционной точки зрения, Пифагор перенял метампсихоз из орфизма, более раннего религиозного учения. Так, например, Геродот утверждал, что создатели орфических поэм жили сразу же после Гомера и Гесиода (Герод., II, 53), едва ли здесь имелось в виду поколение Пифагора, который умер за несколько лет до рождения самого Геродота (42, с. 135, 139). Что интересно, Орфей один из немногих побывал в Аиде, растрогал своим пением Персефону, которая разрешила ему вернуть умершую Эвридику на землю.

Был ли Пиндар посвященным, мы не знаем. Поэт, пишет Пиндар, пророк «божественной мудрости», доступной лишь избранным. Он называет себя «славным пророком Пиэрид», т. е. Муз. Персефона заказывает ему посмертный гимн (Павс., IX, 23). Изложение мифов у Пиндара определяется новой функцией мифа в одах. Эпический поэт как бы предполагал, что слушатель знает только то, что ему сейчас сообщается, лирический поэт предполагает, что слушатель *уже знает и много другое*, и что достаточно мимолетного намека, чтобы в сознании человека встали все мифологические ассоциации, необходимые поэту. Поэтому ассоциации могут быть разными, а поле действия лирического рассказа неограниченно расширяться. Из-за этого затруднено восприятие стихов Пиндара современным читателем.

У Пиндара толкователем и провидцем сущего выступает поэт. Он ближе к природе, Вечности. Необыкновенный поэтический дар, божественное вдохновение, творческое исступление, могучая интуиция позволили Пиндару создать будущий образ *Атлантиды-Островов Блаженных*, который перейдет затем в утерянную для нас поэму Солона и диалоги Платона, непостижимым, удивительным способом, найдет свое истинное воплощение в произведениях русских поэтов: Брюсова, Бальмонта, Мережковского, Хлебникова, Вяч. Иванова и других.

БЮСТ ПИФАГОРА.
С античного бюста Неаполитанского музея.

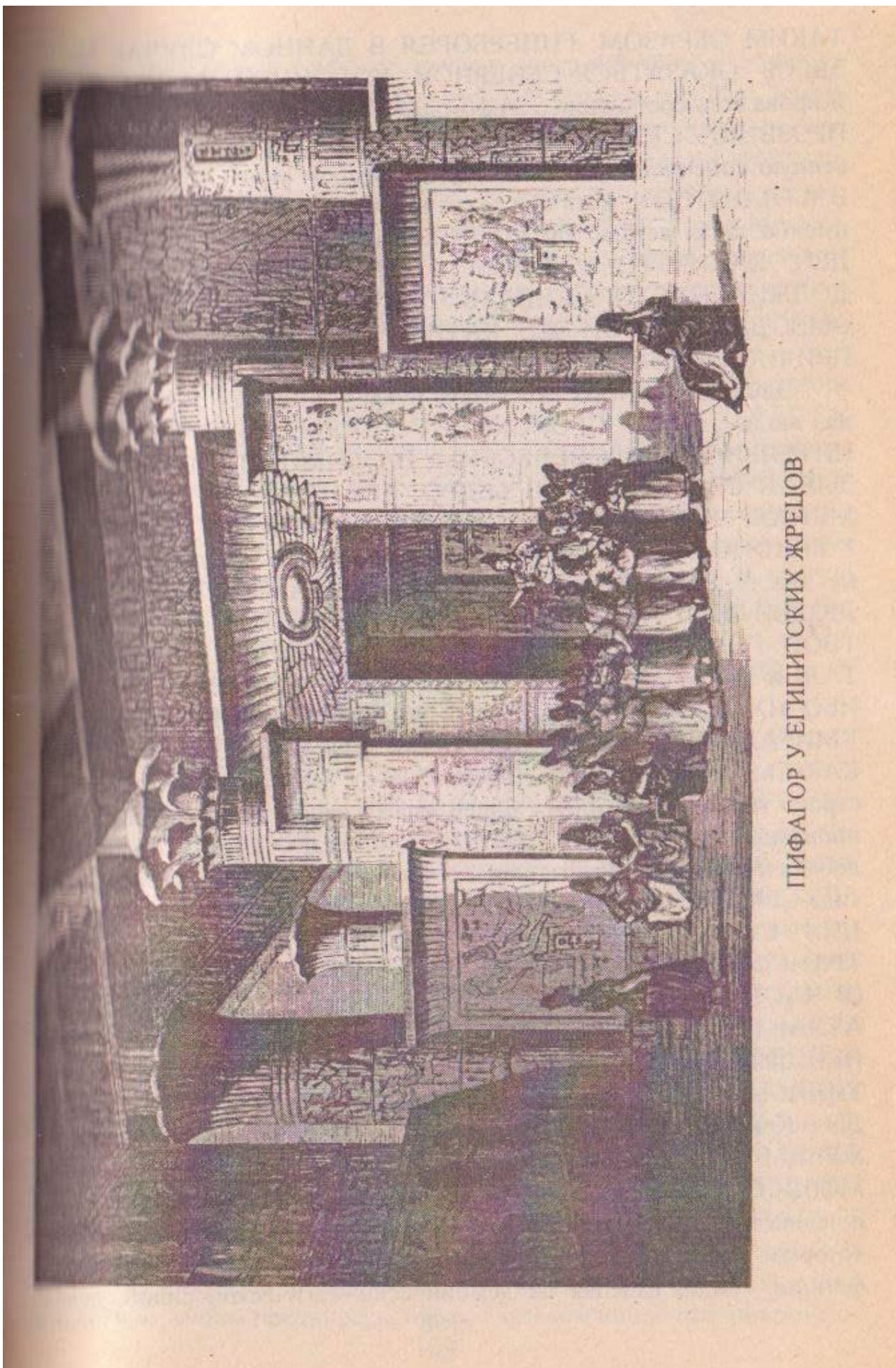
5. ПИФАГОР

Пифагор родился в 570 г. до н. э. на острове Самос, примыкающем к Ионии. Но не все античные авторы признавали Пифагора уроженцем Самоса. Аристоксен же говорит о каком-то *Тирренском острове*, который заняли афиняне после изгнания оттуда самих тирренцев. Но все же большинство исследователей склонны видеть в острове Самос родину Пифагора. Довольно поздняя традиция приписывает долгое ученичество Пифагора у египтян, халдеев (вавилонян), персидских магов, финикийцев, евреев, иберов, фракийцев, арабов и галльских жрецов-друидов (42, с. 59). Существует свидетельство о посещении самосца острова Крит и продолжении там своего ученичества (75, с. 63). Чанышев допускает истинность египетского и вавилонского периодов обучения, где он постигал «могущество священнодействия, замечательное чередование чисел и хитроумнейшие правила геометрии». В Египте, в частности, изучал некое «*священное слово*». Что это было за «слово», мы не знаем, но можем предположить, что «слово» – некий миф. Текстовое значение слова «миф» нами разобрано выше. Вероятнее всего, «*священное слово*» – это миф об Атлантиде. На чем основывается наше утверждение? Ямвлих говорит, что юный Пифагор встречался с престарелым *Фалесом* и тот уговорил самосца *отправиться в Египет и особенно завязать сношения со жрецами Мемфиса и Диосполиса*. Но священная наука египтян находилась в руках жрецов и всегда держалась в глубокой тайне. Тем более, ни один из греческих авторов, писавших о Египте, не знал языка этой страны. Но и на это пифагорейская традиция дает однозначный ответ: Пифагор прибыл в Египет с *рекомендательным письмом к фараону Амазису* от самосского тирана Поликрата, а также изучил там египетский язык. Ведь согласно тому же Ямвлиху, Пифагор пробыл в Египте 22 года (41, с. 23).

Жмудь с некой осторожностью отрицает восточные странствия Пифагора. Говоря словами Целлера, путешествия самосца не невозможны, но недоказуемы (42, с. 67). Ко времени Платона греки хорошо знали Египет. Разнообразные культурные контакты Греции и Египта были взаимно выгодны для обоих этносов. В свое время Египет посещали Солон, Фалес, Алкей, Платон, Эвдокс, Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон. Греки не знали письменного языка древних египтян, но общались между собой с помощью переводчиков. Геродот говорит о большом количестве переводчиков и даже видит в них отдельный класс населения.

Итак, Пифагор приезжает ко двору фараона Амазиса с рекомендательным письмом. Примерно, в то же время Египет посещает Солон и, общаясь с учеными жрецами Псенофисом гелиопольским и саисцем Сонхисом, узнает от них предание об Атлантиде. Примечательное, если не сказать удивительное совпадение! Что же представляла из себя каста жрецов? Во всем Египте существовали два противоположных течения: экзотерическое – открытая религия простого народа и эзотерическое братство жрецов, которые посвятили себя священным наукам. Поразительно, то, что обе системы сосуществовали параллельно, никогда не сливаясь друг с другом на протяжении многих тысячелетий, за исключением, может быть, ереси Эхнатона, но и она была очень недолговечной. Здесь надо различать простых жрецов, которые были в каждом селении, в их обязанности которых входило лечение больных, провожать в последний путь умерших, уметь пользоваться талисманами, хорошо разбираться в строительстве не только но храмов, но и жомов, судов, плотин и др.

Катастрофическое погружение огромного материка в Атлантический океан отражено во многих мифах и преданиях Америки, Европы, Африки, Азии и Океании. Естественно, такое неординарное, крупномасштабное явление чрезвычайно трудно оградить от внешнего влияния, попытаться скрыть его от простого народа, втиснуть в

ПИФАГОР У ЕГИПТИСКИХ ЖРЕЦОВ

узкие жреческие рамки-догмы, сделать из этого тайну. Но, видимо, спасшимся магам и жрецам из Атлантиды удалось сделать великое дело – они *придумали мифы об ужасной катастрофе* и дали их людям, но скрытый (эзотерический) смысл преданий скрыли от толпы, чтобы передать затем спасенные знания только посвященным в мистерии. Поэтому самый простой жрец и крестьянин могли рассказать тому же Солону, Платону, Пифагору древнейшие сказания о потопах и других катастрофах, происходивших в Египте или близлежащих областях. Это мог быть рассказ об Атму, египетском Ное, который залил всю землю, спаслись лишь те, кто находился вместе с ним в лодке. Герой второго мифа бог Ра, возмущенный непокорностью своих подданных, залил египетский мир пивом. Египтяне, видимо, располагали сведениями об Атлантиде в виде мифа, не понимая его внутреннего содержания, но только *посвященные (великие жрецы) знали истинную сущность, эзотерический смысл таких преданий*. Одно дело рассказывать мифы, другое – толковать, трактовать их, чтобы постигнуть всю глубину древней мудрости.

Почему Фалес отправляет Пифагора в Египет, а именно в Мемфис и Диосполис? Для нас очень ценно это упоминание Ямвлиха. Начнем с того, что Фалес *уговаривает* Пифагора связаться с жрецами этих городов. Вообще то, уговаривают человека тогда, когда настойчиво, постоянно, раз за разом говорят об одном и том же, о чем-то важном, значительном для уговариваемого. О чем же уговаривал Фалес Пифагора? Конечно, не для того, чтобы просто завязать отношения с жрецами Мемфиса и Диосполиса. Для этого не надо человека уговаривать, если он сам идет в Египет учиться. По нашему мнению, в Мемфисе и Диосполисе были сохранены *последние остатки сказания об Атлантиде*.

Диосполис – это египетские Фивы. В папирусе эпохи Рамзеса II о нем сообщается, так: «Фивы существовали раньше любого другого места: вода и земля были там от начала времен, и *сотворение мира и богов произошло в Фивах* волею их бога Амона». Их еще называют «Стовратными Фивами», в отличие от греческих «Семивратных Фив». Итальянский ученый, философ, основатель и президент Международной организации «Новый Акрополь» Хорхе Ливрага (1930-1991) в своей книге «Фивы» попытался дать истинные истоки этого города и его возможном родстве с Атлантидой. Ливрага пишет: «потомки древних жителей Атлантиды поселились в районе Фив вокруг двух главных центров: один – административный и религиозный – располагался на месте города, который греки впоследствии называли Фивами, другой – инициатический – находился в Абидосе, где собирались таинственные служители Священной Гробницы, позднее названной Гробницей Осириса.

По истечении нескольких тысячелетий была построена Большая Пирамида и Сфинкс, первоначально имевший черты одного из великого магов – правителей Атлантиды. В результате новых катаклизмов дно моря Сахары поднялось, а значительные участки суши на севере Европы оказались под водой. Затонули и острова—колонии атлантов. Около 12 тысяч лет назад в результате очередного катаклизма исчез последний осколок Атлантиды—Посейдонис, однако *большая часть библиотек и некоторые предметы уже находились в Египте*. Культ Солнца (Ра) и Духовного Света (Амон) распространился в уже независимой бывшей колонии атлантов. На месте древнего святилища, посвященного Священной Птице, возник город Мемфис (76, с. 39-43). Легенда о птице Венню (Феникс) указывает на определенную *связь между потоком и огнем*. Время от времени, раз в 500 лет, она прилетает в египетский город Гелиополис, там свивает гнездо в храме бога Солнца. После чего, Венню сгорает в огне, чтобы затем вновь возродиться из пепла и жить следующие 500 лет. Иероглиф, обозначающий Венню, содержит три параллельные, волнистые линии изображающие воду. В Мемфисе же Сатни-Хемуас, сын Рамзеса II безуспешно разыскивает магические книги бога Тота, которые были спрятаны жрецами в водах Нила. Тот прибыл с Запада, он именуется «Владыка

Заграницы», «Промыслитель Обеих Земель». В XXIV главе «Книги Мертвых» сказано, что родиной Тота было загадочное «Озеро Пламени», «Озеро Двух Огней».

Если посмотреть, как устроены Фивы, то можно предположить, что искусный архитектор помнил о катастрофе, *о разделе мира живой жизни и мира мертвой жизни, посередине которых протекала Река-Океан*. Фивы представлялись в одно и то же время и маленьким, как бы созданным для одного человека, его размеры спасали человеческое существо от чувства затерянности во Вселенной, и грандиозным, как бы вселенским, способным содержать в себе все, являя *присутствие иного мира*, который возвышается над жизнью и смертью. Фивы как бы «оседлали» Нил, раскинувшись на двух его берегах. Один берег был жилищем живых, а другой – местом мертвых (76, с. 48-49). Так строились многие египетские города, так и Египет сам был поделен на Нижний и Верхний. По мнению Диодора Сицилийского, даже Нил издревле назывался Океаном.

Вот для каких целей Фалес направлял Пифагора в Фивы и Мемфиис. Мы делаем только предположение, выдвигаем версии. Может даже показаться, что логические построения историко-мифологического здания Атлантиды эфемерны, но это не так. Чем дальше продвигаемся вперед, тем больше точек соприкосновения мы будем находить.

Атлантида, прежде всего, океанская держава, владычество Посейдона, царство морской стихии – воды – одного из четырех элементов мироздания, наравне с воздухом, землей и огнем. Здесь все подчинено водной субстанции. Еще Гомер пел «Из Океана все родилось». Вот эту подчиненность, зависимость от *воды*, морской влаги мы и будем все время подчеркивать, выдвигать на первое место, и вскоре можем убедиться, что *водная стихия* играет главенствующую роль в театре, называемом Атлантидой.

В Египте приключения Пифагора не заканчиваются. После этого он оказался в Вавилонии. Традиция передает следующую версию: «Рассказывают, что, когда Камбиз завоевал Египет, то занимавшийся там у жрецов Пифагор был взят в плен, и очутившись в Вавилоне, был посвящен в религиозные таинства варваров» (41, с. 23-24). Не сведения ли об Атлантиде и ее реликвиях пытались выведать у Пифагора персидские священнослужители? Или, наоборот, сопоставить со своими знаниями о царстве атлантов), посвятив самосца в мистерии бога Эа (Энки) и «хозяйки богов, что живет у пучины моря – Сидури-Сабиту». Это с ней встречается Гильгамеш на берегу океана, проходя сад богов с драгоценными камнями.

Древние авторы, помимо восточного, называли и другой источник учения Пифагора – эллинский. Диоген Лаэртский рассказывает о том, что Пифагор был учеником Ферекида. После смерти Ферекида он стал учиться у Гермоды, в свою очередь ученика Креофула, который был некогда гостеприимно принят самим *Гомером!* (41, с. 24-25). Вот замкнулся и еще один парадоксальный кентаврический круг.

Когда Ферекид умер, Пифагор отправляется на Делос, чтобы похоронить учителя. Чему же учил Ферекид своего ученика? Словарь Суды утверждает, что он сам себя выучил, *приобретя тайные книги финикийцев* (52, с. 85). Ферекид, как и Фалес, *началом всего считал воду*, называя ее хаосом. Он написал книгу «Семь углублений, т.е. Богословие иды Богосмещение» в 10 томах, содержащую учение о порождении и преемствах богов. В ней он пытался осмыслить космогонический миф. Зевс и Хтония (Земля) вступает в брак. Впервые с браком Хтония становится Землей, – значит, тут попытка различать реальную землю от ее смыслового принципа. На третий день Зевс набрасывает на свою жену покрывало, на котором он *разрисовал Землю, Океан и чертоги Океана (Огенона)*, увещая ее принять этот дар как должный. А дальше еще более удивительный отрывок из Цельса: «Ферекид, намного более древний, чем Гераклит, рассуждает в мифах, сопоставляя поход с походом, делая начальником одного Кроноса, другого – Офионея. Он изображает их вызовы друг другом на бой, состязание и то, что у них произошло соглашение, чтобы оба они *попали в Огенон*». Ферекид также считает, что Кронос был

коронован раньше всех (77, с. 702-706). Офион, по мнению византийских мифографов, все тот же Океан, он же Нерей!

Само слово «океан» – негреческое и даже вообще неиндоевропейское. Среди предположений о происхождении этого слова есть мысль его *финикийском* истоке. Диодор, например, связывает наименование внешнего моря «океаном» с путешествиями финикийцев. Вавилонянам также было присуще представление об океане, кругом обтекающем всю землю, которая, по их воззрению, имела вид идеального круга. То же самое полагали и гомеровские греки, как это видно, из описания щита Ахилла. Даже название Елисейских полей (Элизиума) связывают с финикийским богом Элем (78, с. 64). По нашему мнению, *Огенон – сакральное, эзотерическое имя Океана, означающее центральный огонь (Гестию) в середине мировых вод!* Океан – одно из основных воплощений Хаоса или даже сам Хаос. Океан был «вначале», до творения которое ограничило его во времени и пространстве, но космосу (земле, находящейся на нем) предстоит *погибнуть в результате катаклизма от самого океана и его вод (или огня)*, и воды Океана снова станут единственной стихией-субстанцией в мире. В древнеиндийском гимне о космическом жаре (X, 190) говорится: *«Закон и истины родились из воспламенившегося жара...отсюда – волнующийся Океан. Из волнующегося Океана родился год, распределяющий дни и ночи»* (59, с. 249). Корень слова «Огенон» – «огонь», «Агни», заимствованное индоевропейцами у неведомого морского народа. Скорее всего, финикийцы были посредниками в передаче и употреблении данного слова другим народам. В ведийской (индуистской) мифологии Агни, бог огня, домашнего очага, жертвенного костра *рожден в водах* (одна из многочисленных версий), там же находилось его *жилище*. Агни становится одним из четырех хранителей мира, ему отдается во власть *юго-запад!* У Агни много имен, но *высшее из них хранится в тайне* (79, с. 35-36). Воспламеняющийся огонь в центре Океана, где-то на Западе – не отголосок ли это чудовищной катастрофы, погубившую Атлантиду?

Делос, куда прибыл Пифагор, был славен тем, что его посещали гиперборейцы (Герод., IV, 32-36). Среди последних особенно выделялся Абарис, жрец Аполлона Гиперборейского. Его прозвали «Небоходом», потому что, летая на дарованной ему стреле Аполлона, он переправлялся через реки, озера, моря, горы, в некотором смысле, ходя по воздуху, совершая очищение и отгоняя мировые поветрия. Со стрелой в руке Абарис мог прорицать будущее. Для нас главное – *Пифагор встречался с Абарисом и показывал ему свой знак на теле – какая-то золотая примета на бедре* (Ямвлих описывает это, как золотое бедро). Несомненно, оба человека узнавали по такой примете о *принадлежности каждого к определенной группе населения* или установлению рода занятий. Недаром, Пифагора считали Аполлоном Гиперборейским, в доказательство этого пифагорейцы ссылаются на то, что он принимал у себя Абариса-гиперборейца (28, с. 454; 52, с. 96-97). Из этого можно сделать единственный вывод: на теле у Пифагора было нечто вроде родимого пятна, *особого знака, по которому в нем можно было узнать представителя народа гиперборейцев*. Таким образом, Гиперборея в данном случае может здесь оказаться – северной колонией Атлантиды. У Жирова есть сообщение о мифографе Дионисии Милетском по прозвищу Скитобрахион (ок. 550 г до н э), имевшим искусственную конечность. Он, якобы, был автором книги «Путешествие в Атлантиду», хотя это может быть и вымыслом (45, с. 42-43). Но именно такая деталь, как *отличительный знак на теле людей, каким-то образом относящихся к Атлантиде*, должна настораживать, приводить к определенным выводам. К той же категории людей необходимо причислить Пелопса и его потомков!

Элиан в «Пестрых рассказах» буквально пишет: «Пифагор объяснял людям, что он происходит от семени лучшего, сравнительно с человеческим: в Олимпии Пифагор показывал свое золотое бедро, кротонцу Миллию напоминал, что он никто иной, как *фригиец Мидас, сын Гордия* (Элиан, IV, 17). Так жрецы говорят Солону: «Более того, вы

даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране. Ты сам и весь твой город происходите от тех немногих, кто остался от этого рода, но вы ничего о нем не ведаете, ибо потомки на протяжении многих поколений умирали, не оставляя никаких записей и потому как бы немوتствуя» («Тим», 23 б-с). Мережковский перевел эти троки так: «Лучшее племя людей жило в вашей земле (до потопа). Вы произошли, от его *уцелевшего малого семени*». И сам же добавляет: «Это и значит: первое человечество – семя второго, Атлантида – семя Европы» (10, с. 39). Вспомните: филолаевы испарения служат пищей космосу? *Культура атлантов трансформировалась, превратилась в общемировую (в частности, общеевропейскую) культуру.* Потомки атлантов-колонистов слились, смешались с древнейшим автохтонным населением Европы и развратились окончательно, растворясь в смертной природе («Крит», 121 а-б). И только посвященные, высочайшие жрецы способны были *узнавать друг друга при помощи специальных примет на теле.* Но это, на наш взгляд, не единственный метод определения такого рода людей. Есть вещи, к которым греки, и не только они, проявляли особое благоволение – это фетиши. Люди, наделяя их демонически-магической силой, делали позже из фетиша объект глубокого религиозного почтения и поклонения. К таким вещам относятся: Дельфийский Омфал, или Пуп Земли, скипетр Зевса, меч Пелопса, яйцо Леды, три чаши: одна, которую Зевс подарил Алкмене, другая, которую создал Гефест, и третья, – чаша аргонавтов, ожерелье и пеплос Эрифилы, золотая цепь Елены три треножника времён Лайя, Эдипа и его внука Лаодаманта, Троянский палладий, Золотое Руно и т.д. Но в мифах есть упоминание о некоторых реликвиях, которые странным образом укладываются в некую схему, далекую от простого почитания и образующую *тайну мистериального значения* (24).

Одну из таких реликвий имел Фалес, уговаривающий Пифагора посетить Египет. Это был *треножник работы бога Гефеста, который он подарил Пелопсу к его свадьбе.* От Пелопса он перешел к Менелая, вместе с Еленой был похищен Александром, и лаконянка бросила дар Гефеста в Косское море. Рыбаки выловили его, а оракул заставил отдать треножник мудрейшему – Фалесу. Каллимах, правда, приводит другое сообщение, что это была *Чаша*, которую отдали Фалесу, а он отослал ее Аполлону Дидимскому с посвятителем надписью: «Фалес дарит меня покровителю Нелеева народа, дважды получив эту награду за первенство».

Оракул Аполлона, в Дидимах находился близ Милета. В этом храме был щит Менелая, сохранивший только переднюю сторону из слоновой кости. А ведь *Пифагор был в прошлой жизни Менелаем.* Известно, что самосский мудрец знал свои перевоплощения. Но и это еще не главное. В довершении ко всему, Диоген Лаэртский приводит поразительное письмо Фалеса Ферекиду: «Дошло до меня, что ты первым среди ионян вознамерился явить эллинам сочинение твое о божественных предметах. Пожалуй, ты и прав, что думаешь сделать писанное тобою общим достоянием, а не обращаешь его без всякой пользы к избранным лицам. Но если тебе угодно то и я хочу стать твоим собеседником в том, о чем ты пишешь. После того, как *мы с Солоном Афинским плавали на Крит ради наших там изысканий и плавали в Египет ради бесед с египетскими жрецами и звездочетами, право, мы были бы безумцами, если бы не поплыли и к тебе. Говорю «мы», ибо и Солон приедет, если ты на то согласишься*».

Скорее всего, письмо подложно или написано в более позднее время, но какой нужно обладать просто дьявольской интуицией и прозорливостью, чтобы предвидеть, предугадать все наши историко-мифологические исследования *именно в этом ключе, связать воедино звенья атлантидовой цепи,* это под силу, разве только гению такого масштаба, как Платон, открывший на кончике пера противлежащий материк под названием Америка! Комментировать письмо бесполезно, оно насквозь *пронизано Атлантидой, некой тайной, покоящейся на Крите.* Фалес, Солон, Ферекид – причастны

и к этой загадке, причастен к ней Пифагор. Приехав на Крит, самосец побывал у жрецов Морга, одного из идейских дактилей, и принял от них очищение камнем громовником, ложась ниц поутру у моря, а ночью у реки в венке из шерсти черного барана. Спускался он там и в так называемую Идейскую пещеру, одетый в черную шкуру, пробыл там положенные трижды девять дней, совершил всесожжение Зевсу, видел его застилаемый ежегодно престол, а на гробнице Зевса высек надпись под заглавием «Пифагор – Зевсу», начинающуюся так: «Зан здесь лежит, опочив, меж людьми называемый Зевсом» (28, с. 452).

Как видно из сообщения, Порфирия, Пифагору приходилось каждое утро совершать *загадочное священнодействие* обязательно у моря, а затем ночью – у реки (тоже водной субстанции). Итак, каждый день, спускаясь к морю и обратно поднимаясь в гору, к Идейской пещере! Ясно, что Пифагор *поклонялся морским богам*, каким, мы скажем позднее. Однако важнее здесь другое: Дактили всегда отождествлялись с Куретами и Тельхинами, а Тельхины всегда были спутниками Посейдона, которые вышли из моря на остров Родос. В который раз замыкается змеиный круг Атлантиды!

После долгих лет ученичества Пифагор в 532 г. до н. э. обосновался в Кротоне, городе Великой Греции. Кротон – ахейская колония, тесно связанная с Самосом. Там он создает особый пифагорейский образ жизни. Постепенно вокруг самосского мудреца возникает круг приверженцев, первоначально, скорее всего, из среды аристократической молодежи. Мы опустим политическую жизнь Пифагора, хотя она и очень важна для такого рода исследований. Нас, в первую очередь, интересует, какое сообщество организовал Пифагор? Последние работы показывают, что это была – Гетерия. Гетерия – тип неформального объединения, которое строится на личных отношениях его участников, как правило, сверстников из аристократической среды, и, в отличие от фиаса, не предполагало существования четкой организационной структуры, должностных лиц или атрибутов формального объединения. Некоторые авторы, правда, утверждают, что целью пифагорейского союза стала идея создания «Кротонской империи», куда входили захваченные Кротоном города Южной Италии. Может быть, это была попытка, и весьма слабая, образования идеального государства по образу Атлантиды в ранний ее период развития (42, с. 91-92).

Где-то в начале 5 в. до н. э. Килон просит уже старика Пифагора принять его в Пифагорейский союз, но получает отказ. Килон и килоновцы начинают борьбу против Пифагора и пифагорейцев. В Кротоне они сжигают всех пифагорейцев, за исключением Филолая и Лизиса. Дело Атлантиды должно жить наперекор всем превратностям судьбы!

Пифагор вынужден был уехать в Метапонт. Там его *приветствовала река Кас* громким сверхчеловеческим голосом: «Радуйся, Пифагор!». Он внушал всяческое удивление, что даже ближних его называли вещателями божьего гласа. По словам Гераклида Понтийского, Пифагор был некогда Эфалидом и почитался *сыном Гермеса*, и Гермес предложил ему на выбор любой дар, кроме бессмертия, а он попросил оставить ему и живому и мертвому память о том, что с ним было. По этому и при жизни он помнил обо всем, и в смерти сохранил ту же память. В последствии времени он вошел в Евфорба, был ранен Менелаем, и Евфорб рассказывал, что он был когда-то Эфалидом, что получил от Гермеса его дар, как странствовала его душа, в каких растениях и животных она оказывалась, что претерпела она в Аиде и что терпит там остальные души.

После смерти Евфорба душа его перешла в Гермотима, который, желая доказать это, явился в Бранхиды и в храме Аполлона указал щит, посвященный богу Менелаем, – отплывая от Трои, говорил он, Менелай посвятил Аполлону этот щит. После смерти Гермотима он стал Пирром, делосским рыбаком, и по-прежнему все помнил. А после смерти Пирра он стал Пифагором и тоже сохранил память обо всем вышесказанном.

Несколько замечаний по поводу перевоплощенных лиц. Гермес – сын Зевса и Майи, одной из дочерей Атланта. Эфалид – участник похода аргонавтов. Евфорб – герой «Илиады». Менелай – сын Атрея, внук Пелопса, брат Агамемнона. После похищения Парисом Елены Менелай с помощью Агамемнона собрал войско ахейцев и выступил против Трои. Возвращаясь из Трои, буря отбросила его корабли к берегам *Крита*, после чего он посещает Кипр, Финикию и Египет, где приобретает *большие сокровища*. После долгих лет спокойной жизни с Еленой по возвращении в Спарту Менелай, как зять Зевса, удостоился *поселения на Елисейских Полях*. Необходимо отметить, что Менелай попал туда *живым*, а не мертвым, в уже обозримое для нас историческое время (12 в. до н. э.). Этот факт пропущен атлантологами! Гермотим – легендарный философ и колдун, чья душа будто бы обладала способностью надолго покидать тело хозяина, умер, по преданию, когда сожгли покинутое его душою тело. Проживал в Клазоменах, в Ионии.

Согласно древнеиндийским представлениям, человек многократно является на землю в новых телесных воплощениях и с новым предопределением. Пифагорейцы, как и ранние греческие философы, были убеждены, что люди, испытав земной удел, уходят, чтобы вернуться вновь. Платон считал, что люди обладают определенными знаниями, которые они не могли получить обычным путем, опираясь на органы чувств. Скорее всего, человек от рождения обладает генетической памятью и воспоминания предков зафиксированы в их психике. Знаменитый парапсихолог Эдгар Кейси, находясь в состоянии транса, указывал, откуда были выходцами далекие предки его пациентов и как они попали в Америку. В большинстве случаев их путь проходил по двум историческим маршрутам. Первый включал Атлантиду, древний Рим, Египет, Францию времен Людовиков 14, 15, и 16, а также период гражданской войны в Америке. Второй – Атлантиду, древний Рим, Египет, крестовые походы и ранний период колонизации Америки. Записи Эдгара Кейси собраны в книге его брата «Эдгар Кейси об Атлантиде».

Зная свои прошлые воплощения, Пифагор мог «путешествовать по волнам памяти», побывать в образе Менелая на Елисейских полях – в чудесной стране Атлантиде. Если он совершал такие обзорные «перелеты» в своем сознании на огромные расстояния, то невольно мог наблюдать вид Земли сверху. Имеется сообщение, что Пифагор первым назвал небо Космосом и Землю круглой, а Парменид первый изложил это в письменном виде. О Пифагоре и Пармениде говорится также, они разделили земной шар, по аналогии с небесной сферой, на пять кругов или поясов: арктический, летний, экваториальный, зимний и антарктический. Имеется замечательный пример такого «космического путешествия», пример *видения некой истинной земли, истинного света и истинного неба*. Это космогонические воззрения Сократа, которые он развивает для обоснования своих этических положений.

Земля, по Сократу, похожа на мяч, сшитый из 12 кусков кожи и расписанный яркими красками. Она висит без опоры в центре сферической Вселенной и размеры ее просто чудовищны. На таком огромном шаре Средиземное море кажется «малой частицей», небольшой впадиной, по берегам которой теснятся люди, словно муравьи или лягушки. В такие впадины стекают осадки в виде тумана воды и воздуха, так что люди в них не видят чистой земли и неба. «Но если бы кто-нибудь все-таки добрался до края или же сделался крылатым и взлетел ввысь, то, словно рыбы здесь, у нас, которые высовывают головы из моря и видят этот наш мир, так же и он, поднявши голову, увидел бы тамошний мир. И если бы по природе своей он был способен вынести это зрелище, он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную землю». На истинной земле растут прекрасные деревья, цветы, она богата золотом, серебром и драгоценными камнями. Там есть люди, *они никогда не болеют и живут дольше нашего*. «И зрением, и слухом, и разумом, и всем остальным они отличаются от нас настолько же, насколько воздух отличен чистотой от воды или эфир – от воздуха». *Есть у них храмы, священные рожи богов, и боги действительно обитают в этих*

святилищах и через знамена, вещания, видения общаются с людьми. И люди видят Солнце, и Луну, и звезды такими, каковы они на самом деле. И спутник всего этого – полное блаженство».

Далее Сократ описывает еще более поразительное явление. По его мнению, в Тартар, находящийся ниже Аида, стекают все реки, и в нем снова берут начало, и каждая приобретает свойства земли, по которой течет. А есть такие потоки, что описывают полный круг, обвившись вокруг той Земли кольцом или даже несколькими кольцами, точно змеи; они спускаются в самую большую глубину, но впадают в тот же Тартар». Самая большая, далекая из всех река Океан, она течет от середины по кругу. Навстречу ей, по другую сторону от центра течет Ахеронт. Он протекает по многим пустынным местностям и заканчивается озером Ахерусиадой. «Третья река берет начало между двумя первыми и вскоре достигает *обширного места, пылающего жарким огнем, и образует озеро, где бурлит вода с илом*, размерами больше нашего моря! Далее она бежит по кругу, мутная и илистая, опоясывая ту землю, и подходит вплотную к краю озера Ахерисуды, но не смешивается с его водами. Имя этой реки – Пирифлегетонт (Огненная), и она изрыгает наружу брызги своей лавы повсюду, где коснется земной поверхности» («Федон», 109-113б).

Особенно впечатляют размеры бушующего огненного озера – оно больше Средиземного моря! Вода мутна от ила со дна реки, протекающей в Океане, извергаются потоки раскаленной лавы. Судя по рассказу Сократа, Пирифлегетонт находится между Океаном и Ахеронтом, впадающим в озеро. Если перевести на современный язык, *извержение подводного (надводного) вулкана произошло в некой точке, равноудаленной от середины Океана (Атлантического) и африкано-европейского берега*. Платонова традиция в таком месте помещает Атлантиду! Более убедительной картины разрушения и гибели участка суши в Атлантическом океане, который к тому времени был уже знаком грекам, у Платона еще не находилось.

Сцена катастрофы описана настолько ярко и красочно, будто человек присутствовал при ней. *Не демон ли Сократа* «прокручивал» цветную пленку философу? Но все намного проще, если посмотрим, кто были участниками диалога «Федон»: Эхекрат – житель Флиунта, пифагореец, ученик Филолая и Эврита, Кебет и Симмий, фиванцы, ученики Филолая.

Следует принять во внимание, что «Федон» написан Платоном задолго до диалогов «Тимей» и «Критий». Ряд авторов полагают, что идею шарообразности Земли впервые высказал Пифагор, или, по меньшей мере, более ранние из пифагорейцев. Парменид, как считают они, или повторял их высказывания, или пришел к данной теории, взятой из учения Анаксимандра. Таким образом, заключает Томсон, «Платон в своем более раннем фантастическом описании, изображающем известный мир как нишу на поверхности огромного шара, возможно, следует *какому-нибудь пифагорейцу*, сочетавшему подобным смелым путем ионийский диск и пифагорейский шар, упоминание его об *антиподах* и высказывание о том, что земной шар *кругом обитаем*, возможно, происходят из источника такого же рода». Может быть, Платон был первым, кто представил себе существование антиподов, или «противоположных ног»? «Только в одном сообщении происхождение этой идеи приписывается другому источнику, именно *«пифагорейским мемуарам»*, причем имеется в виду или сам Пифагор, или его безымянный последователь, который описал Землю, как имеющую форму мяча и *кругом обитаемую* и сказал, что «имеются также антиподы, и наш низ является для них верхом» (34, с. 174, 183).

Теория, созданная ранними пифагорейцами, во II веке до н. э. была детально разработана Кратесом Малосским. Он учил, что ойкумена – это один из четырех похожих друг на друга обитаемых массивов на поверхности земного шара. Массивы

разделены двумя взаимно перпендикулярными океанами, опоясывающими Землю, один из которых простирается с востока на запад в огненных экваториальных областях, а другой тянется с севера на юг. Итак, вместо трех, известных в древности, материков (Европа, Азия, Африка), пифагорейцы (в том числе и Кратес) постулировали некий четвертый материк с живущими на нем людьми-антиподами. Можно предположить, что обычно римские карты имели форму круга и на них изображался океан, омывающий круг земной, или три известных континента. Иногда за непреодолимым экваториальным океаном изображался *четвертый континент*. Вероятно, эти римские карты и легли в основу многих карт раннего средневековья (80, с. 26, 333).

Такие карты могли сохраниться в Александрийской библиотеке, а после ее гибели, какая-то часть попала к арабам и через них в Константинополь. Об этом говорят знаменитые географические карты Пири Рейса и Оронция Финея. В книге Ч. Хэпгуда «Карты морских царей» довольно убедительно доказывается, что в руках Пири Рейса уже были карты Африки, Европы, Атлантических островов, основанные на тригонометрической проекции, которая учитывала шарообразность Земли. Поэтому Хэпгуд вынужден приписать происхождение этих карт *доэллинскому времени*, а не эпохе Возрождения или средневековым картографам и не арабам, которые плохо разбирались в долготе. Исследования, занявшие семь лет, показали, что у этих карт были *прототипы, относимые к позднеледниковому периоду*, которые отражали поразительные знания сферической тригонометрии и картографических проекций, скрупулезные, точные сведения о широте и долготе береговой линии на обширной территории Земли. Объективные знания о долготе наводят на мысль о людях, неизвестных нам, *о народе мореплавателей, обладавшем инструментами для определения долготы, о которых те же древние греки не смогли даже мечтать и не имели даже финикийцы* (81, с. 6, 38-39).

На портулане Пири Рейса в районе островка *Сан-Паулу* показан *большой остров*, что лишний раз подтверждает приведенную здесь гипотезу московского ученого Г. Кочемасова. Некоторые из авторов отождествляют этот остров с Атлантидой (82). Тем более, что один из островов у восточного побережья Южной Америки назван у Пири Рейса «Антилия».

Итак, Сицилия и Южная Италия хранили великие традиции *морского народа-атлантов*. Хранителями стали Пифагор и его последователи. Все сведения об атлантах держались в строгой тайне и секретности. Даже сам пифагорейский союз состоял из двух степеней: акусматиков и математиков. Первые слушали учителя молча, еще не лицезрея его, они воспринимали лишь самые общие положения, некритически усваивая простейшие истины. Вторые же знали учение особенное и тщательно разработанное. Даже распорядок дня соответствовал великому предназначению: помнить, хранить и молчать. Живя совместно, пифагорейцы вставали еще до восхода Солнца. После некоторого мнемонического упражнения все выходили на *морской берег встречать солнце*, которое для расположенного на восточном побережье Апеннинского полуострова Кротона восходило прямо *из моря*. В храме или в священной роще пифагорейцы обдумывали предстоящие им на день дела, после чего следовали гимнастика и завтрак. В конце дня последователи Учителя совершали совместную прогулку и морские купания (41, с. 43-44).

Памятником Пифагору служат его идеи, труды, фрагменты которых уже стали достоянием европейской науки. Но лучшим памятником великому философу стал его дом в Метапонте, названный после его смерти *святилищем Деметры*, а переход при нем – святилищем Муз (28, с. 336). Той Деметры, скорбящей по Персефоне-Атлантиде! Люди превратили дом Пифагора в *храм Деметры, памятуя о главном предназначении мудреца – сохранить память об Атлантиде*.

Пифагор спел свою лебединую песню о царстве атлантов, о гестиальном очаге мудрости, справедливости и добра, жаль, что люди его так и не услышали.

Продолжение следует

Список литературы

1. Зайдлер Л. Атлантида. М., 1966.
2. Кукал З. Атлантида в свете современных знаний. – Великие загадки земли. М., 1988.
3. Ченнелинг: Послания Старших Братьев человечества. Киев, 1998.
4. Морозов Н. В поисках философского камня. Спб., 1909.
5. Хоуп М. Древняя мудрость Атлантиды. Киев, 1999.
6. Древо Атлантиды. Рукопись неизвестного русского адепта 1950-х гг.
7. Попова Т. Гомер в оценке неоплатоников. – Древнегреческая литературная критика. М., 1975.
8. Тахо-Годи А. Миф у Платона как действительное и воображаемое. – Платон и его эпоха. М., 1979.
9. Аверинцев С. Неоплатонизм перед лицом платоновской критики мифопоэтического мышления. – Платон и его эпоха. М., 1979.
10. Мережковский Д. Атлантида – Европа. Тайна Запада. М., 1992.
11. Лосев А. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба. – Платон и его эпоха. М., 1979. Смотри библиографию по данному вопросу. Ср. Герасименко А. Было ли философское самоубийство. Спор о Платоне. Киев, 1990.
12. Токарев С. Что такое мифология? – Токарев С. Ранние формы религии. М., 1990.
13. Чанышев А. Эгейская предфилософия М., 1970.
14. Рыбин А. Атлантида как реальность. Солнечногорск, 1993.
15. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
16. Щербаков В. Золотой чертог Посейдона. – В поисках Атлантиды. М., 1986.
17. Щербаков В. Тропой Трояновой. – Дорогами тысячелетий. М., 1987.
18. Щербаков В. Асгард – город богов. М., 1991 .
19. Щербаков В. Встречи с богоматерью. М. – Тверь, 1993.
20. Асов А. Гибель Атлантиды. – Наука и религия, 1991, №№ 9—12.
- 21.. Асов А. Атланты, арии, славяне. История и вера. М., 1999.
22. Радциг С. История древнегреческой литературы. М., 1977.
23. Малиничев Г. Нераскопанная Троя. – Техника-молодежи, 1973, № 4.

24. Воронин А. Где спрятаны мифические сокровища? – Клады и сокровища, 1998, №№ 7-8; 1999, №№ 1-2.
25. Найдены останки царя Мидаса? Тайная власть, 1999, № 20.
26. Ильинская Л. Легенды и археология. М., 1988.
27. Лосев А. Диалектика мифа. – Лосев А. Миф. Число. Сущность. М., 1994.
28. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
29. Торшилов Д. Античная мифография: мифы и единство действия. Спб., 1999.
30. Грейвс Р. Белая богиня. М., 1999.
31. Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1999.
32. Шарман-Брюк Дж., Грин Л. Мифологическое Таро. М., 1999.
33. Голосовкер Я. Сказания о Титанах. М., 1955.
34. Томсон Дж. История древней географии. М., 1953.
35. Кнорозов Ю. Н. Ф. Жиров «Атлантида» (рецензия). – Советская этнография, 1961, № 4.
36. Лурье С. Очерки по истории античной науки. М.-Л., 1947.
37. Лосев А. Античная мифология в ее историческом развитии. – Лосев А. Мифология греков и римлян. М., 1996.
38. Немировский А. Две «Атлантиды». – Вопросы истории, 1978, № 3.
39. Панченко Д. Платон и Атлантида. Л., 1990.
40. Йейтс Ф. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999.
41. Чанышев А. Итальянская философия. М., 1973.
42. Жмудь Л. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. Спб., 1994.
43. Штайнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.
44. Кондратов А. Атлантика без Атлантиды. Л., 1972.
45. Жиров Н. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М., 1964.
46. Гурев Г. Системы мира. М., 1950.
47. Доброхотов А. Учение досократиков о бытии. М., 1980.
48. Павленко А. Европейская космология. Основания эпистемологического поворота. М., 1997.
49. Рожанский И. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979.
50. Гомперц Т. Греческие мыслители, т. 1. Спб., 1911.
51. Брюсов В. Учителя учителей. – Собрание сочинений, т. 7. М., 1975.
52. Фрагменты ранних греческих философов, ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
53. Рожанский И. Платон и современная физика. – Платон и его эпоха. М., 1979.
54. Гончаров Н. и др. В лучах кристалла Земли. – Техника-молодежи, 1981, № 1.

55. Кочемасов Г. Как найти Атлантиду. – Наука и религия, 1997, № 7.
56. Моммзен. Т. История Рима, т. 1. До битвы при Пидне. М., 1936.
57. Кондратов А. Атлантиды моря Тетис. Л., 1986.
58. Норов А. Исследования об Атлантиде. Ученые записки второго отделения Академии Наук, т. 1. Спб., 1854.
59. Мифы народов мира, т. 2. М., 1992.
60. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996.
61. Reshetov Yu. The mythology of the greeks in relation to the Atlantis legend. – Atlantis, London, 1961, № 14.
62. Блаватская Е. Тайная Доктрина, т.3. М., 1991.
63. Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. М., 1980.
64. Полякова С. Клавдий Элиан и его «Пестрые рассказы». – Элиан. Пестрые рассказы. М.-Л., 1964.
65. Афанасьева В. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.
66. Бурахович В. Лемурия –Атлантида Платона? –Тайны тысячелетий, вып. 13. М., 1998.
67. Горбовский А. Факты, догадки, гипотезы. М., 1988.
68. Авдиев В. История древнего Востока. Л., 1953.
69. Гумилев Л. Две традиции древнетибетской картографии. – Гумилев Л. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
70. Шанский Н. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
71. Эндрюз Ш. Атлантида. По следам исчезнувшей цивилизации. М., 1998.
72. Хенниг Р. Неведомые земли, т. 1. М., 1961.
73. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
74. Платон. Собрание сочинений, т. 1. М., 1990.
75. Фигье Л. Светила науки от древности до наших дней, т. 1. Спб.-М., 1869.
76. Ливрага Х. Фивы. М., 1995.
77. Лосев А. Теогония и космогония. – Лосев А. Мифология греков и римлян. М., 1996.
78. Циркин Ю. Финикийская культура в Испании. М., 1976.
79. Мифы народов мира, т. 1. М., 1991.
80. Райт Дж. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988.
81. Хэпгуд Ч. Карты морских царей. – Книга тайн, вып. 5. М., 1994.
82. Аверьянов В. Древние карты – наследие праивилизации. Чудеса и приключения, 1999, № 10.